

КОГДА ИСЧЕЗЛИ ЦИКАДЫ

— Сделка требует новую жертву —

ЕВГЕНИЙ МАМОНТОВ

Евгений Мамонтов

Когда исчезли цикады

<https://litres.ru/74253827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сан-Мартинью-ду-Абрансу — город, который помнит всё. Он помнит, как в 1938 году исчезали женщины. Как горел лес в 1948-м. Как в 1955-м на подушках детей появилась серебристая пыльца. Он помнит тех, кто решил нарушить его покой. И тех, кто ненавидит его.

Когда 14-летний Джозеф находит эту пыльцу у своей младшей сестры, он понимает: проклятие, убившее его мать, вернулось. Вместе с друзьями он погружается в расследование, которое ведёт их от старых газет к подземным ходам под городом.

Трое подростков против древнего зла. 17-летний цикл, который пожирает жизни. Пророческие рисунки, серебристая пыльца и лес, где не существует света. Им предстоит узнать, какова цена сделки с лесом и что останется, когда цикады замолчат.

Содержание

Глава 1 С ароматом магнолии	4
Глава 2 Кто такой Лумпиану?	21
Глава 3 Дело закрыто	37
Глава 4 Пока не умрём?!	51
Глава 5 «Марледж» был бравадой	71
Глава 6 А.Н.	98
Глава 7 А-Маре	113
Глава 8 «Manual of Spiritualism»	132
Глава 9 Уиджа	145
Глава 10 «Diário do Litoral»	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Когда исчезли цикады

Глава 1 С ароматом магнолии

30 апреля 1955 года

Джозеф

Некоторые города не хранят свои тайны — они переваривают их в толще земли, год за годом, пока правда не проступит на поверхность не с дождём, а с первой серебристой пылью на подушке ребёнка. Именно с её появления Джозеф осознал, что стал невольным свидетелем того, как медленно умирает его город.

Он знал его с детства, этот захолустный Сан-Мартинью-ду-Абрансу. Знал, как узкие улочки Кальсадас вились серпантином, сбегая с вершины холма напрямик в крепкие объятия порта, потому что это и был Порт Объятий. Знал, что в довоенное время беленые фасады домов слепили глаза в полдень и голубели в сумерках, а теперь покрылись тонким, как преждевременная седина, слоем пыли, грязи и копоты. Знал — но только спустя долгие годы понял, что ненавидит его.

Воздух в городе всегда был густым коктейлем из запахов. Снизу, с порта, тянуло тиной, свежей и тухлой рыбой, ржавым железом и горечью кофе. Сверху, с холма, спускались тонкие нити жасмина и запах влажного камня. По вечерам,

когда в бухте Порту-ду-Абрансу зажигались огни паромов, баркасов и рыбацких судов, казалось, будто город медленно сползает в тёплые, чёрные воды, чтобы исчезнуть до утра. Параллельно тому, как порт поглощал в себе город, центром неспешной жизни для всех страждущих по вечерам становился проспект Возвращения, тянувшийся от самой воды до черепиц городских трущоб.

Иная, роскошная жизнь пульсировала на вершинах холма, где вальяжно и никуда не спеша разлеглись статные виллы, резиденции и особняки невыразимой, почти болезненной красоты. К ним вели бульвары, утопающие в зелени бесконечных скверов, и широкие вымощенные улицы. На самом высоком пике, словно сторожевые псы, вонзались в небо острые шпили церкви Святого Мартина. А напротив, на отшибе, вглубь полуострова уходил парк Сомбра. Поначалу аккуратными аллеями, затем — липким от влаги и древнего мха лесом, где свет глох, не долетев до земли.

Бесконечные бомбёжки вынудили Марка Фостера и его жену Лэйн переехать из оккупированной Франции подальше от тягот войны. Выбор пал на город, стоящий у самого отшиба вселенной на Пиренейском полуострове. Для портового города и центра рыболовли Португалии это был, пожалуй, самый голодный и серый год. Тогда их сыну Джозефу было всего два. Ввиду своего возраста он не до конца мог осознать, как ему относиться к этому месту. К его вечной духоте, сырости и запаху тухлой рыбы. Спустя четыре года

после переезда он полюбит его — ведь именно тогда, незадолго до шестого дня рождения Джозефа, в семье Фостеров произошло пополнение. Он воспринял это как подарок Господа. Девочку называли Ана София.

Но, как зачастую говорят, от любви до ненависти один шаг. Так и произошло у Джозефа. Не успело ему исполниться восемь, как случилось событие, заставившее его на долгие годы топить жгучую злость на город, отобравший у него мать.

Когда злость спала до скулящей обиды и постепенно сошла на нет, город Объятий снова напомнил о себе, но уже иначе и не так, как хотелось бы ему. Семь лет спустя Сан-Мартинью открылся Джозефу совершенно с другой стороны. Нет, за годы взросления юноши город не стал чище и не избавился от запаха водорослей и немых рыбаков. Он обнажил древние тайны, долгое время спавшие глубоко в жилах полуострова, на котором стоял.

Весной 1955 года Джозеф как раз приступил к реализации проекта, который обдумывал всю зиму, ища необходимое место и прорабатывая макет. Ему (хотя тут уместно было сказать «им») нужно было укрытие — своеобразный штаб, где можно будет обсудить школьные предметы, разгадать пару-тройку необъяснимых дел и посмеяться над одноглазым сторожем. А также дать клятву на крови, попутно дополнив свод обязательных правил их тайного клуба, — который они не так давно создали — несколькими новыми пунктами.

Впоследствии Джозеф поймёт, насколько крепкими окажутся связанные узы.

Работал он всегда один — так уж сложилось. Позови он Лемиста — и тот будет бубнить весь день, что не плотник, не слесарь и вообще пора бы готовиться к выпускным экзаменам. Вообще его друг был тем ещё занудой, но его знаниям касася ботаники и биологии могли позавидовать и учителя. А ещё он носил смешные усы — первые, что появляются у юношей его возраста, — и не менее смешные очки.

Мари Джозеф звать тоже не любил, потому что их время проходило всегда одинаково — Джозеф без умолку болтал, а Мари в противовес ему — молчала. И постоянно рисовала. В такой помощи он точно не нуждался.

Место было выбрано не случайно — густой мрачный лес на склоне горы, который плавно начинался на границе парка Теней. Протоптанных тропинок туда не было, а те, что Джозеф оставлял, таская доски, он за особой тщательностью за метал.

Спустя несколько недель их тайный мир медленно вырастал среди ветвей векового дуба — там, где три толстых сука расходились, будто сама природа предлагала ему основу. Пол, сколоченный крест-накрест на семиметровой высоте, уже не скрипел и уверенно принимал его вес, а ветер ни сколько не тревожил доски. Снизу этот уголок почти не просматривался, зато с него открывался дерзкий вид на крыши Абрансу и сизую полосу моря.

С самого рассвета ему предстояло устанавливать вертикальные стойки и приколачивать первые щиты стен будущей базы. Хорошо бы ещё обтянуть всё брезентом — ведь сутра по радио вновь передавали штормовое предупреждение.

За работой время проходило незаметно. Самой трудоёмкой задачей было погрузить материалы и доставить их до начала леса. В этом Джозеф благодарил отца за предоставленный ему старенький мотороллер. А вот дальше, чуть больше километра, доски и брезент приходилось тащить на своём горбу.

Погода испортилась мгновенно — Джозеф понял это лишь тогда, когда почувствовал леденящие капли дождя, забарабанившие по макушке. Мрачный весенний лес сгустился до полной темноты, а тишину разорвал шум воды, потоком хлынувшей по ранним листьям.

Он спрятал доски под брезентом и рванул в ту же секунду, не разбирая дороги. Ноги путались и скользили по мокрой гнили, а ветки хлестали по лицу, оставляя следы порезов. Когда до парка оставалось несколько сотен метров, позади, в глубине чащи, с глухим треском рухнуло громадное дерево. Ветер взвыл, став вдруг беспощадным ко всему, что не успело укрыться.

У мотороллера фирмы Казаль был скверный характер: в самый неподходящий момент он отказывался заводиться. Джозеф давил на педаль зажигания, пока не понял, что это бесполезно. Бросать под дождём его тоже было нельзя —

отец точно снимет с него шкуру. Он покатил его вниз по склону, пытаясь завести с толкача. На уклоне градусов в пятнадцать двигатель наконец рывкнул, откашлялся клубом плотного дыма и затарахтел.

Дорога через парк к бульвару Пасо виляла бесконечными серпантинами. Дождь накрывал всё сплошной стеной, и в этом водном хаосе парк казался непривычно пустым и мертвым. Ветер бросал в лицо песок, комья земли и обломки веток. Тусклая фара старого мотороллера едва пробивала мрак, и на помощь ей, как по заказу, ударила молния. За ней ещё одна, буквально в нескольких метрах над головой. Треск гнущихся деревьев соревновался с грохотом грома за право быть лидером в этом буйстве стихии.

На выезде из парка Джозеф поддал газу. Казаль взревел и в груди всё сжалось от одной только мысли о том, что он повредит отцовский мотороллер. Плакал тогда и проект домика на дереве, и прогулки с друзьями. Ещё и по шее от отца получит.

Дорога круто уходила влево, через насаждение сосен перед бульваром Пасо — оттуда уже можно было скользнуть во дворы и выскочить на проспект Возвращения. Сердце замерло в ту секунду, когда он пронёсся в нескольких сантиметрах от фонарного столба, и остановилось вовсе, когда на скользкой траве старичок Казаль дёрнулся, подпрыгнул и его резко понесло вправо, к каменному парапету.

Джозеф вырулил чудом и влетел на проспект на скоро-

сти, недоступной этому агрегату, удивившись безлюдности дорог. Даже в самую глухую ночь тут можно было встретить пьяниц, рыбаков и женщин лёгкого поведения. Но сейчас проспект затаился в ужасе. Лишь потоки воды хлестали по брусчатке, кружился мусор и ветки, с корнем вырывались профлисты.

Он практически не разбирал дороги: ливень стирал мир до размеров щели в дверном проёме. Вокруг всё было чёрным. Он просто не мог поверить, что по его скромным подсчётам было всего начало шестого. Внезапно молния рассекла тьму в нескольких десятках метров перед мотороллером, выхватив из мрака неестественно скрюченный силуэт под навесом бутика.

То, что это был человек, Джозеф понял слишком поздно. Попытавшись на ходу вывернуть руль и затормозить, он лишь опрокинул мотороллер. Тот проехался по мокрой брусчатке, придавив Джозефу ногу от бедра до лодыжки. Боль вспыхнула белым светом в глазах, он сдавленно закричал, не в силах сделать вдох. Изо всех сил Джозеф дёрнул ногой, оставив скутер в свободном скольжении ещё на несколько метров. Механически осмотрел разодранные спортивные брюки, под которыми уже проступало тёмное, вязкое пятно. Затем обернулся.

Человек на дороге был без сознания, освещаемый тонкой полоской света из-под козырька бутика с модной одеждой. Преодолевая жгучую боль и хромая, он подскочил к лежа-

щему человеку. Им оказалась молодая девушка лет тридцати, возможно, хозяйка магазинчика.

Сердце прыгало в груди, как загнанный зверь, глаза оказывались видеть то, что видят. А видели они ещё два тела внутри витрины: один — у зеркала, другой — рядом. И все — женщины.

Ужас парализовал тело. Руки затряслись — то ли от страха, то ли от того, что последние несколько минут не ощущались телом. Джозеф оглянулся. Должна же быть хоть где-то помощь? Хоть чья-то тень в окне, хоть кто-то, несущийся на всех парах домой. Но проспект был мёртв.

Заглушив первобытный инстинкт бежать, он втащил девушку в магазин. Подбежал к остальным, сунув пальцы под челюсть, ища пульс. Казалось, всё кончено. Но вдруг — глухой, редкий удар отозвался на теплые пальцы Джозефа. Затем ещё один. Удары сердца были угасающими, не больше двадцати ударов в минуту, но они были.

Он не знал, что делать, полностью растерялся. В такой ситуации прежний Джозеф давно бы уже мчался прочь. Но прежним он перестал быть, когда вывернул руль старого Казаля и упал. В голове крутились мысли: *«Где найти помощь? Что можно сделать?»*

Убрав от белёсого лица девушки прядь волос, он зажал её нос. Ничего не оставалось, кроме как сделать искусственное дыхание. Но стоило наклониться — и он тут же отшатнулся, попятился назад, наткнувшись на стойку с одеждой.

Одна маленькая деталь выбивалась из общей картины кошмара: концы прядей у всех трёх девушек блестели неестественной белизной и ломались, словно иней. Под головой одной из них он заметил тонкий слой переливающейся пыли. Она была осязаемой и струилась сквозь пальцы, как жидкий свет, растворяясь в воздухе. Оставляя витать флёр, похожий на запах сгнивших магнолий. Запах ударил в нос, и где-то на задворках памяти, глубоко и болезненно, дрогнуло что-то знакомое, тут же ускользнув.

Что-то глубоко внутри подсказало Джозефу поднять голову, оторвать взгляд и руки от неизвестной болезни. В этот миг очередная вспышка молнии подсветила фигуру, закутанную в тёмное пальто до пола. Человек быстро приблизился к стеклу витрины и стал внимательно изучать происходящее. Из-под широкополой шляпы, натянутой на глаза, было не видно ничего, кроме острых черт нездорового лица и тонких губ, изогнутых в странной и неестественной улыбке.

— Помогите! — закричал из последних сил Джозеф, поднимая взгляд полный мольбы в сторону незнакомца. — Они ещё живы!

Очередная вспышка боли в ноге напомнила о себе эхом, заставив Джозефа на секунду опустить взгляд на ногу, вокруг которой расплзалась тёмно-бордовая лужица. Этой секунды хватило, и, когда Джозеф вновь посмотрел сквозь витрину, его встретил лишь спина незнакомца, растворяющегося в тени. Щурясь от боли, он не замечал, как проваливается

в беспамятство.

Резкая полоса жжения вернула Джозефа в сознание, вырывая его из болезненных воспоминаний о матери. Он не до конца мог понять почему они решили нахлынуть именно сейчас. Вокруг творилась что-то несуразное, наполненное суетой и насильно ускоренное. Причём своё состояние он осознавал, словно был в густом слое желе, что противоречило безумству вокруг. Обнаружил Джозеф себя прислонённым к стойке ресепшена бутика, в мельтешении спасателя, больше похожего на докера. Одет тот был в клетчатую рубаху и трико, а также неприметную фуражку не по погоде и тонкую суконную куртку.

Позади спасателя, усердно перевязывающего ногу Джозефа, суетились ещё двое мужчин. Они выносили последнюю женщину из магазинчика. Её рука, казалось, безжизненно свисала с носилок. На мгновение Джозеф попытался взглянуть в лицо женщины, но в ту же секунду вскрикнул, зашипев от боли, когда спасатель затянул до отказа узел.

— Вот так, парень, спокойно. Главное — не дёргайся пока. Вроде царапина, но ты умудрился залить всё кровью. Ничего, через несколько дней будешь как новенький.

— У этих женщин... Что с ними случилось? — спросил Джозеф, подтягиваясь здоровой ногой ближе к стойке.

— Ничего серьёзного, парень, — ответил спасатель, поднимаясь. — Вроде как живы. Если бы не тот странный че-

ловек, разгуливавший под проливным дождём в пальто, мы могли бы не успеть. И к тебе в том числе.

— Вы про высокого мужчину в шляпе? — спросил Джозеф, и его брови подскочили.

Спасатель принялся собирать чемодан, наполненный средствами первой помощи. Ему не терпелось покинуть это помещение и вернуться к себе, чтобы продолжить играть с напарниками в карты и, возможно, даже выпивать.

— Да, про него. Наглый такой, даже не представился, — он выдержал паузу, поднимая взгляд на Джозефа. — Ты его знаешь?

Джозеф нахмурился, пытаясь вспомнить черты незнакомца. Сознание отозвалось ноющей болью. Он отрицательно помотал головой.

— Мы-то вообще все удивились, — продолжил возмущаться спасатель, — когда тот стал стучать по окнам. На улице — жуть, а не погода, уух. Я бы и додуматься не мог, что кому-то взбрѣдет в голову прогуливаться в такой шторм. А этот припѣрся, да ещё и нас выдернул... — он громко выдохнул, запаковав последние медикаменты. — Слушай, мы бы тебя подбросили, но в карете и без того места мало. Нас трое, пациенток тоже трое. Ты отсидись тут в тепле...

— А как же мой мотороллер? — прервал его Джозеф взволнованным голосом, посмотрев на проспект. — Его нельзя оставлять под дождём!

— Хорошо, парень, я затащу твой скутер под козырёк. Хо-

тя, если верить этому странному типу, дождь должен кончиться в течение десяти минут. Я лично в этом ой как сомневаюсь.

Послышался перезвон колокольчиков, висевших у двери, и через несколько минут машина скорой помощи удалилась, забирая с собой шум мигалок. Дождь вновь принялся с той же силой обрушиваться на козырёк. Даже за закрытой дверью отчётливо слышался гром и стук разбрасываемого железа. Джозеф схватился за голову, терзаемый нестерпимым гулом внутри черепа. Стоило ему переключиться на головную боль, как раненым волком начинала выть нога.

Когда от потери крови повело создание, ему всплыл образ матери, семилетней давности. Сейчас же Джозеф сидел, склонив голову, и пытался проанализировать видение. Вспомнить до конца фрагмент прошлого, терзавший его, словно скребущийся котёнок. Какая-то деталь явно ускользнула от его пытливого ума.

Джозефу тогда было семь. В городе случилась катастрофа небывалых масштабов — загорелся лес, окружавший церковь Святого Мартина. Он точно помнил, что это было воскресенье, общий выходной семьи Фостеров. Ане Софии тогда только-только исполнился годик, и после воскресной мессы они направлялись на площадь ду Мотри, чтобы попробовать модных в то время жареных анчоусов и бутербродов с чоризо.

Летом 1948 года в Абрансу стояла невероятно жаркая и

засушливая погода. Морской воздух оседал соляными панцирями на стенах домов и улочках города, а воздух прогрелся до чудовищных тридцати восьми градусов и прожигал лёгкие, словно дышишь раскалённым песком.

Спускаясь по петляющему серпантину со склона, где возвышалась церковь, глава семейства услышал зловещий треск, а уже через несколько минут вниз потянул удушливый, сладковатый запах горячей смолы и хвои. Глухо завывали сирены гражданской обороны.

Марк Фостер никогда не отличался слепым рвением к спасению и защите чего-либо, что не касалось его семьи. Но именно в этот день его альтруизм и напускное геройство похоже вырвались наружу. На это было много причин, и одна из них — пожар, который мог запросто перекинуться на город. А из-за плотности построения домов и адских температур, он выжег бы город в считанные часы.

Выражение его лица хоть и испускало решимость, но становилось бледнее мрамора, глядя на жирные клубы дыма, пожирающие небо над холмом. Марк резко схватил Лэйн за плечи.

— Дорогая, беги домой, укройся и собери на всякий случай вещи.

Затем он развернулся к сыну и, опустившись на колено, сказал:

— Сынок, пообещай мне, что доставишь маму и свою сестрёнку домой живыми и невредимыми.

В ответ Джозеф кивнул.

— Этого недостаточно, Джозеф, — не унимался Фостер старший. — Ты должен поклясться.

— Папа, я клянусь! — выпалил Джозеф, сжав скулы.

Марк Фостер облегчённо улыбнулся, приняв из уст сына клятву, и бросился в сторону нарастающего гула пожара.

Уносимый под руку всё дальше от отца, Джозеф поначалу запаниковал. Но, вспомнив клятву и строгое лицо отца, вверившего ему, семилетнему, жизни двух самых близких людей, он переключил всё своё внимание на них. Ведь теперь именно от него зависела их безопасность.

Мимо юного Джозефа проносились, крича и спотыкаясь другие мужчины, спешившие на спасение города. Одни ехали на ржавых велосипедах, другие — в проржавевших грузовиках или на телегах. Многие шли пешком, таща за собой бочки с водой, тележки с песком и едва ли работающие огнетушители. Пожарная станция была лишь одна, и та оставляла желать лучшего, от чего тушение такого пожара было равносильно войне со стихией.

Страх впился когтями в грудь Джозефа, когда он увидел поднявшиеся на горизонте первые языки пламени, с диким голодом лижущие кроны сосен. Единственной отдушиной в этом аду служили густые непроницаемые тучи, надвигающиеся со стороны Порту-ду-Абрансу. Когда склон уступил место северным улицам городка Объятий и площади ду Мотри, на которой, несмотря на воскресенье, царила гнетущая пу-

стога, тучи уже были практически на линии берега, над самой бухтой. Спасение — а тогда надвигающийся шторм показался ему именно спасением — приближалось с катастрофической и неизбежной молниеносностью.

Лэйн, следуя заветам Марка, неслась, разрезая площадь поперёк. Свежий ветер дул в лицо, неся с собой тяжёлый коктейль портовых запахов и смешиваясь с гарью. Дом был уже близко. Одной рукой она прижимала изо всех любящих сил свёрток мягкого хлопка с дочкой, другой — вцеплялась в руку сына. Слабость в ногах накатила внезапно; она споткнулась первый раз. Спустя несколько метров судорога повторилась.

Рука, удерживающая Джозефа, стала слабеть, бег замедлился. И уже он бежал впереди, утаскивая за собой мать в безопасное место. Солнце на площади, где кроме короткой тени от бронзовой статуи рыбака с сетью, не было никакого укрытия, жарило с невероятной силой. Не спасал даже ветер надвигающихся туч.

— Мама, осталось немного, поспешим! — задыхаясь, говорил Джозеф.

— Сынок, мне становится тяжело, — прерывисто ответила мама. — Возьми Ану Софию. Возьми свою сестрёнку.

Джозеф подхватил из её рук свёрток и каждой клеткой тела ощутил тяжесть этой драгоценной ноши, и тревожное тепло, исходившее от ткани.

— Идём, мама, нужно хотя бы уйти в тень, — продолжал

тащить он её за руку.

— Сейчас... подожди...

Она не договорила. Ноги, казалось, не имели больше опоры и провалились в пустоту. Лэйн рухнула на раскалённую брусчатку. Джозеф чудом успел подставить ладонь, чтобы мать не ударилась об камень.

— Мама! — закричал Джозеф, рукой тряся её за плечи.

Ана София пронзительно закричала. Так, как могут кричать только младенцы, которых насильно отрывают от материнского сердца.

В ту же секунду к ним подбежали несколько женщин с соседних улиц. Они почти вырвали ребёнка из оцепеневших рук кричащего Джозефа. В голове у него уже звучал леденящий голос отца: *«Тебе скоро восемь, сын, а ты даже не в силах справиться с простой просьбой. Опять ты оказался ни на что не годен».*

Женщины окружили Лэйн, пытаясь привести её в чувство. Ана София кричала. Кто-то что-то говорил и самому Джозефу, но он не слышал. В ушах стоял лишь вой сестры и собственное сердцебиение.

Он смахнул ещё не успевшую скатиться слезу. В этом воспоминании всё было точно, как в то воскресенье сорок седьмого. Но один фрагмент выпал, словно выжженная кислотой плёнка. Что-то по-настоящему важное, что пахнет магнолией. Пытаясь вспомнить что именно, он не заметил, как оказался в полной, давящей тишине, нарушаемой лишь тихим

жужжанием лампы над головой.

По ощущениям прошло минут десять, и дождь на улицах так же внезапно, как и начался, — точно, как предсказал незнакомец, разгуливавший в ливень в шерстяном пальто и шляпе.

Глава 2 Кто такой Лумпиану?

13 октября 1954 года

Мари

Прозвенел звонок, и в разрез с ним загрохотали по полу ножки стульев. Класс заполнил несмолкающий галдёж. Вязкая и липкая, наполненная бесконечными зевками, половина дня позади, и настал самый любимый для всех момент в школе — большая перемена. Сколько же можно сделать за целый час: списать домашку к следующему уроку, смести с прилавка буфета все булочки, сыграть в вышибалу или резиночки, да и просто отдохнуть. Некоторым и домой удаётся сбегать.

Мари посмотрела на одноклассника, который проводил этот час одинаково в любой день — спал, — и улыбнулась. Казалось, больше ничего не нужно в жизни, как наверстать тот сон, который у тебя забрали утром. Классная комната почти опустела, за исключением учителя, пары мальчиков и Элзы — подруги Мари. Она сидела, уткнувшись в парту и что-то ковыряла ногтем.

— Элза, идём обедать? — спросила Мари, обнимая рукой подругу.

— Да... эм, — замялась она и, скрывая взгляд, посмотрела за спину.

В дверях класса, опершись о стену стояли две девочки;

они кивали, кривились и хмурились, обсуждая что-то, что вычитали в новом выпуске журнала о зарубежной моде. Одна из них — та, что с пышной роскошной причёской и высокомерным взглядом, — оторвалась от беседы и вскинула бровь в сторону Элзы и Мари. Больше всего в этой жизни, помимо надоедливых мальчиков, ежемесячных проблем и учителя по географии, она не любила ждать.

— Элза, ты скоро? — крикнула она, не отрываясь от журнала. — Там сегодня в буфете Паштел-де-ната, м-м... закачаешься.

— И Пао де Ло с маком, — добавила вторая девочка с тёмными выющимися кудрями, отличающаяся особым, отстранённым безразличием ко всему, кроме маковой выпечки, любовных романов и сплетен.

— Вот именно! И мы обязаны на них успеть!

— В общем, Мари, это... прости, — Элза резко поднялась и обхватила руки Мари, которые уже после первых слов безвольно рухнули. — Я иду обедать с Моникой и Инеш.

Мари робко улыбнулась; в её обсидиановых глазах отражалась неловкость и бесконечное извинение подруги.

— Может, я с вами тогда?

— Ну там... Моника... в общем, они пригласили только меня. Представляешь? Давай после школы встретимся? Расскажу тебе о чём мы болтали.

— Хорошо.

— Вот и славно, — подмигнула Элза.

Схватив портфель, она буквально стрелой вылетела из класса вслед за, как показалось Мари, новыми подругами. И это уже в первый год средней школы? Губы Мари скривились в жгучей зависти, она закусила нижнюю губу. Хотела ли Мари таких подруг или завидовала самим девушкам — она не знала.

Моника и Инеш были самыми популярными и недоступными девушками в средней школе, красотой, как считалось, затмевающие Бриджит Бордо и Софию Лорен, и к тому же не имеющие отбоя от противоположного пола, который, по сложившемуся мнению, был им не интересен.

В груди кто-то с особой жестокостью заменил сердце на что-то тяжёлое и колющее. Возможно, что это был даже живой ёж — ощущение было, что грудную клетку разрывает смешавшееся чувство предательства и боли с ненавистью и завистью.

«Вот это суп из эмоций, — подумала девушка, иронично усмехнувшись. — Хоть приправляй проблемами в семье и украшай комплексами».

Класс опустел и затих. Спустя десять минут после звонка вышел и учитель. Мари осталась одна со своими мыслями. Тишину развеивало сопение и лёгкий храп Жуана, иногда по коридору кто-то шумно пробегал. Она могла сразу дойти до следующего урока и посидеть в классе, навеститься домой, хотя это было не самой лучшей идеей, или попросту погулять вокруг школы, но решение так и не приходило. Настро-

ение в буквальном смысле своровали.

Путь до класса истории в соседнем крыле проходил по длинному соединяющему здания коридору, затем снова нужно подняться на третий этаж, перед уроком заскочить в уборную. У двери туалетной комнаты, стоило ей коснуться ручки, она остановилась, услышав знакомые голоса девушек, среди которых был воодушевлённый серебристый голос Элзы — они тоже вернулись с обеда и направлялись в класс.

— Да о чём с ней можно разговаривать? — раздался высокомерный тон Моники, заглушивший журчание воды из крана. — У неё вообще собеседники есть, кроме её тетрадки?

— А вы видели, что она вообще рисует? С ума сойти можно.

«С ума сойти, — пронеслось в голове Мари. — И это была Элза? Та самая Элза, которая боится темноты и в младших классах не имеющая друзей? Когда у неё вообще появились такие слова?»

— Нет, — хором ответили девушки.

— Ну-ка, выкладывай, раз уж начала. Что-то эротическое?

— Хм, даже интересно стало.

— А давайте я лучше вам покажу? После уроков мы договорились встретиться. Я что-нибудь придумаю и стащу её тетрадку, а завтра принесу. Вместе посмеёмся.

— Замётано, подруга.

Журчание воды стихло, послышался треск лотка с бумажными полотенцами. Мари поспешила скрыться: сначала забежала за угол, затем спустилась на один пролёт вниз, чтобы девушки точно не увидели её. Сердцем играли в пинг-понг, дыхание перехватывало от одной только мысли о том, что Элза готова была так поступить, лишь бы подлизаться к новым подругам.

«Нет, я не верю в это. Я не верю... — Мари пыталась хотя бы в мыслях оправдать подругу. Искала варианты, почему та предала её. — За что она так со мной?»

Ноги сами несли её: сначала до первого этажа, через главный выход и прочь за ворота школы. Сердце не унималось, слёзы готовы были вот-вот сорваться с глаз, мир был, словно окутанный в туман.

Она пронеслась вверх по склону, кто-то из взрослых окликнул её, она проигнорировала. Затем не заметила, как пролетела ещё несколько кварталов от центра города, пока не уткнулась в выющиеся кованые ворота, за которыми возвышался готический дворец. Забор по всему периметру оплетал высохший от морозов, но ухоженный виноградник, приготовившийся к зимовке.

Прутья забора в некоторых местах расходились на достаточное друг от друга расстояние, чтобы худенькая Мари могла без труда пролезть внутрь. Она не понимала почему хотела внутрь. Поднимающее тёплое чувство внизу живота

подсказывало, что за этой гнетущей атмосферой покинутого замка скрывается мир, где она сможет быть собой.

Мари прошла по жухлой стриженной траве, между подвезанными на зимовку деревьями, вышла на выложенную гранитную дорожку, ведущую через множество арок и столько же ступенек к входу в замок. Она двигалась самозабвенно, потеряв счёт ступенькам и плиткам. Ей не было страшно, испарилось и бывшее чувство обиды.

Ледяной мрамор стен сгушал видимости под крыльцом, но даже в полумраке Мари различила несколько массивных замков на дверях замка и разбитое окно слева, заколоченное досками.

«Тут не живёт никто», — пронеслось в голове.

Непонятно зачем Мари решила стукнуть в дверь ногой. Дом отозвался протяжным эхо и, казалось, грузно выдохнул, но промолчал. Повисла тишина.

«Кто-то же ухаживает за садом?» — продолжала вопрошать в мыслях Мари.

По тонкой тропинке мари обогнула замок, устремилась вглубь сада, где за облысевшими деревьями увидела белоснежную открытую беседку.

Обрыв, на котором расположилась беседка, ни чуть ни пугал Мари. Зато с неё открывался невероятный вид на залив, северную часть города и порт объятий. Высокие стены ротонды защищали от гнетущего со склона горы бора.

С самого детства никто не понимал художества малень-

кой Мари. Она рисовала странные, порой пугающие и ужасающие изображения, приходившие к ней в голову. Врачи и родители были теми, кто в голос говорил, что с возрастом это пройдёт. Но любовь к сюрреализму только крепла. Единственной, кто понимал Мари — была Элза. Но Мари осознала, что даже та смеялась у неё за спиной.

Уют отстранённости в беседке, словно ты находишься на краю мира, согревал и не мог осудить Мари за её увлечение. Казалось, что за всю жизнь даже её родная комната не была так благосклонна, как это сооружение на отшибе города. В моменты творческого порыва, а особенно когда входила в некий транс, она переставала замечать время и людей вокруг.

Мари не заметила приближение этого парня. Может это он был таким незаметным, может это было состоянием потока. Он зашёл сзади, из-за плеча глянул в тетрадь, затем поднял взгляд и осмотрел беседку. Громко рассмеялся, распугнув птиц в саду.

— Ахах, серьёзно, это ты так беседку нарисовала?

— А, что? — Мари подскочила, сразу же закрыла тетрадь. Ну вот, даже там, где она чувствовала себя в безопасности, её осмеяли. По голосу это был ещё и мальчик.

— Стой, стой, — он воспользовался замешательством, чтобы ещё раз раскрыть тетрадь и рассмотреть всё. — Так, так. Раздвоенный язык, шесть человеческий ног и... клыки? Вау! Никогда не представлял беседку, как какое-то древ-

нее существо. Ух ты, оно ещё и пожирает здорового жука-усача. К твоему сведению, беседка довольно уютная.

«Я это и без тебя поняла!», — подумала Мари, но в ответ только рывкнула на него.

— Не смотри!

Она отдёрнула тетрадь и резко повернулась, чтобы осмотреть незнакомца, осмелившегося осуждать её. На сегодняшний день ей хватило презрения от девчонок. Внутри тут же раскалённым свинцом выиграла ярость, её ладони впились в тетрадь. Минимум, на что она была готова, — со всей дури всадить ему тяжёлым рюкзаком между глаз.

Всего на несколько секунд их взгляды встретились, но Мари показалось, что время споткнулось и замерло. Её словно заточили в тёмный янтарь его зрачков, обрамлённых густыми угольными бровями.

В ответ парень разглядывал её с нескрываемым интересом. Казалось, он видел всё насквозь. Читал в её обсидиановых глазах, как в открытой книге, несоразмерно глубокую тоску и злость. А ещё — немой вопрос: *«Ты вообще кто?»*

Быстро прыгнув вниз, он прошёл внутрь беседки и сел напротив. Заправив назад чёрные выющиеся волосы, он вытянул руку.

— Я Джозеф. А у тебя очень классный рисунок. Жутковатый немного, но мне нравится.

Мари не ответила, а лишь отшатнулась, поражённая пламенем его наглости, её лицо исказила брезгливая гримаса.

Смуглая рука так и осталась висеть в воздухе.

— Это вообще-то наша беседка, — продолжил он слегка надменным тоном, задрав худой и острый нос кверху. — Мы здесь устраиваем собрание клуба.

Возникшее чувство негодования заставило Мари растерянно забегать глазами по беседке в поисках рюкзака. Стиснув зубы и поборов дикое желание всё-таки врезать, она молча сложила вещи и зашагала прочь быстрыми шагами, не оборачиваясь.

В последнюю секунду Джозеф схватил её за запястье. Его хват был сильным и одновременно нежным, а сердце в тот же миг застыло в горле.

— Отпусти! — яростно дёрнула она руку в попытках высвободиться.

— Не могу. Ты видела нашу тайную базу. Я вынужден тебя убить.

Сил не было даже крикнуть. Внезапно голову повело, а ноги подкосились, будто кто-то своровал твёрдую почву. В последнюю секунду Джозеф успел подхватить её.

— Тихо-тихо, прости, это же шутка была, — он подтянул Мари ближе, не давая упасть, и мягко, но уверенно повёл обратно в беседку. — Пошли обратно, отдохнёшь немного.

Пока Мари лежала с побледневшим лицом и не знала, как выпутаться из этой ситуации, ведь слова этого парня не на шутку напугали, подошёл ещё один, по всей видимости — очередной член клуба. Джозеф вышел к нему навстречу и

Мари отметила, что второй был на пол головы выше Джозефа.

«Интересно и сколько их в этом клубе», — подумала Мари, прокручивая в голове варианты побега.

— Здарова, Джоз, — проговорил подошедший парень, высоким, практически певчим, тенором. Послышался приветственный хлопок, отразившийся гулким эхом над обрывом. — Давай только сразу к делу, а то я знаю тебя. Где он, показывай?

— Так, стой. Я не понял, то есть ты хочешь сказать, что я соврал тебе? — возмутился Джозеф.

— Да. В принципе, как и всегда. Я уже привык. Если хочешь встретится и прогуляться, можно так и сказать, а не плести мне рассказы, что нашёл редкого жука, лишь бы выманить меня.

— Одного такого жука я вижу сейчас, — он свёл тёмные брови и с учёным видом посмотрел на своего друга. — Невероятно редкого и здорового. Вид — ботаник, класс — зануды. Ладно, погоди ты со своим жуком, покажу ещё, тут дело такое...

— Ага, как же, покажешь, — прервал его парень с высоким голосом.

— Да погоди ты, — не унимался тот, кото Мари знала, как Джозеф.

Он пригнулся, понизил тон, сделал его чуть ли не заговорщическим.

— Про нашу базу кто-то узнал. Я вроде как её поймал — она в беседке. Сдаётся мне, что её подослали сюда агенты. Нужно её ликвидировать как-нибудь.

Пусть Джозеф и говорил тихо, но Мари услышала это и в ту же секунду заныли локти и потянуло в паху, будто она вот-вот наделает от страха лужу.

— Только ей поплохело что-то, у тебя ж всегда с собой сладкое?

В ответ его собеседник лишь закатил глаза и недовольно повертел взъерошенной головой. Затем отпихнул своего друга и прошёл в беседку. Мари вжалась в скамейку, а сердце в попытках скрыться, сбегало глубоко в ступни.

— У-ух, — воскликнул вошедший парень. — Что-то ты совсем бледная. Успокойся, сейчас, погоди.

Он полез в сумку, висевшую на поясе под джинсовкой, и достал оттуда небольшую плитку шоколада.

— На, поешь, — протянул он ей сладость. — От стресса у тебя понизился гемоглобин, но сейчас должен будет подняться. Меня Лемист зовут. Вот тот зовёт меня Леми, — он указал на Джозефа, застывшего в проходе.

— Ты — жук, а не Леми, — вставил Джозеф. — Даже усики носишь, как у жука.

Он рассмеялся, а Леми вновь закатил глаза, всё ещё держа в руках шоколад. Мари ещё несколько секунд сопротивлялась, разглядывая высокого парня, у которого было вытянутое лицо, смешные подростковые усики и пронзительные

голубые глаза, под очками. Чувствуя, что шоколад может помочь, всё-таки приняла его и стала грызть.

«Плевать, даже если он отравленный... всё равно они меня убить тут собираются», — возникла мысль.

— Ты на него внимания не обращай, — проговорил Леми, присаживаясь неподалёку от Мари. — Он у нас с заскоками. Считает, что мы входим в тайный клуб и проводим еженедельные собрания. Правда он не учитывает тот факт, что нас в клубе двое.

— Жук! Ты чего? Не рассказывай ей о нашем клубе! Она от агентов! А двое нас, потому что он тайный!

— Да у него даже название нету.

— Как нету? — голос Джозефа сорвался и стал обиженным, словно его обвинили в чём-то. — Я ж тебе говорил — Джодем.

Мари захохотала, чуть не подавившись шоколадкой. Страх постепенно стал растворяться, подобно сахарной вате, брошенной в лужу, и окончательно растаял, когда её смех поддержал Леми, а Джозеф стал глупо оправдываться.

— Вы чего не поняли? Это значит, что это название — сочетание двух имён Джозефа и Лемиста.

— Всё мы поняли, — не прекращал смеяться Леми. — Успокойся. И вообще, ты мне жука обещал показать.

— Извини, — выпалил он, явно прибывая в зудящей злости на друга. — Зеркало дома оставил, а то показал бы!

Джозеф вскинул руки, развернулся и убежал в сторону са-

да.

— Стало легче? — спросил Леми, улыбнувшись невероятно широкой улыбкой. Мари даже подумала, что если бы он ел бургер, то тот уместился бы во рту целиком.

— Немного, спасибо. Меня Мари зовут.

— Как ты тут оказалась? Мало кто решится по своей воли забраться в Паласио-ду-Монте. Мы не в счёт — мы просто странные и любим злить местного сторожа.

— Паласио-ду-Монте? — повторила Мари.

— Дворец на холме — так его называют местные. Мы же зовем его Дворец Яблонь, — поспешил пояснить Леми.

Мари робко улынулась, не понимая, как так вышло, что секретная штаб-квартира секретного клуба носит самое приземлённое имя. И никакого тебе «Полуночного замка туманов» и чего ещё хуже.

— Симпатичное название. Спрашиваешь, как я тут оказалась? Я не знаю, я просто... бежала.

— Ха, значит ты тоже странная.

Внезапно их диалог прервал Джозеф. Он вернулся весь запыхавшийся, рукава толстовки были задраны.

— Вот, смотри! — он раскрыл руки и показал на ладонях жука, который не показывал признаков жизни. — Говорю же я не врал! Он редкий!

Леми и Мари потянулись вперёд, чуть не столкнувшись лбами. Леми смутился, но затем заворуженно разинул рот. На ладонях Джозефа покоился белый жук с чёрными пятна-

ми и усиками, превышающими его размеры в два раза. Усики тоже были чёрно-белыми, как указатель гаишника.

— Джоз, да это же сокровище! Это — альпийский усач! Он должен щас готовится к зимовке, где ты его добыл?

Джозеф, заметив реакцию друга, выкрутил грудь колесом.

— Вот тебе всё скажи. Придёшь в следующий раз на собрание клуба, тогда покажу.

— Да, Мари, — ответил на немой вопрос Леми, почти в плотную посмотрев в уголки её глаз. — Исследование насекомых — одно из занятий клуба.

— Вау! — затрепетала Мари, потянув вперёд руки. — Он такой красивый! И много их у вас?

— У нашего жука дома этих жуков полно, — вмешался Джозеф, пересаживая альпийского усача на ладонь девушке. — Даже живые в террариуме ползают. Кстати, Жук, а ты видел, какие классные рисунки эта чудачка рисует?

— Ты рисуешь? — восторженно спросил Леми.

— Немного... но я не покажу!

Жук в тёплых ладонях Мари слегка зашевелил усиками и Леми подался ещё ближе. Между троицей закрутился оживлённый диалог о насекомых, а спустя некоторое время Мари поделилась рисунками, чем вызвала бурную реакцию у мальчишек. Время летело незаметно. Джозеф без умолку рассказывал о том, что скоро будет мастерить в лесу на склоне горы, за парком, штаб для их клуба.

За время, которое троица провела вместе, солнце пере-

секло небосвод и стремительно падало в залив, разбрызгивая огненные лучи. Мари узнала, что Джозеф и Леми не сильно старше её и сейчас учатся на класс выше. Она ещё не знала, как относится к мальчикам, поэтому на их предложение о повторной встрече в воскресенье промолчала. С одной стороны, это отвлекало от домашних проблем и предательства подруги. С другой — она совсем их не знала.

Мари осунулась, вспомнив события, произошедшие в школе. Теперь Элза будет вопрошать, почему она не пришла к ней после школы. И что ей ответить? Оставить всё как было и сделать вид, что она не слышала о чём говорила Элза с Моникой и Инеш, или разорвать с ней дружбу. Мальчики резко стали собираться.

— Кажется нам пора, — Джозеф дёрнул Мари за руку, странно посмотрев в сторону дворца.

Мари непонимающе встrepенулась, еле успев схватить рюкзак и побежала в след за мальчиками.

— Что случилось?

— О-о, — протянул Джозеф, скользнув в густой сад, ведущий напрямик за дворец. — Это Лумпиану проснулся. И поверь, ты не захочешь знать, кто это такой.

Внезапно для себя она почувствовала приятное тёплое покалывание в груди. Мари стало безумно любопытно, кем являлся на самом деле Лумпиану. Был ли это ужасающий хозяин дворца или это был монстр с фонарём вместо лица. А может это и вовсе была шутка, а Лумпиану — кличка ка-

кого-нибудь кота.

Когда они перебрались через забор уже в совершенно другой части города, а не в той, где зашла Мари, пришло время расходиться. По улице, заполняя все незащищённые углы, шагал морозный октябрь. Сгустилась темнота, разгоняемая только фонарными столбами, которых вдали от проспектов было очень мало. Могла ли эта встреча быть судьбоносной для Мари — она не знала. Но точно знала, что первую тайну для себя раскроет только с этими странными мальчишками.

— Хорошо, — смутилась Мари, бросив короткий взгляд сначала в большие карие глаза Джозефа, а следом в голубые глаза Леми. В грудь закралось скребущие чувство ожидания грядущей встречи. — Я приду в воскресенье.

Глава 3 Дело закрыто

1 мая 1955 года

Джозеф

На следующий день Джозеф пропустил завтрак. Ему не терпелось рассказать друзьям загадочном незнакомце, умевшем предсказывать погоду, и о случившемся в бутике. Хотя на счёт первого он всё же сомневался, списывая всё на случайные капризы погоды. Но ведь задача клуба «Марледж» как раз и состояла в том, чтобы расследовать загадочные истории и разоблачать метеомашенников. И это лишь малая часть занятий, которыми могли похвастаться члены этого тайного общества.

Попытки отца расспросить его о случившемся, были разбиты подобно кораблю, налетевшему на рифы. Последнее время общение с ним не ладилось и Джозеф всё чаще игнорировал завтраки, убегая сразу на учёбу или вовсе просыпая. Бывало даже срывался на него. Он выскочил в гараж и попытался завести мотороллер. После нескольких бесполезных тычков пришлось бросить это дело. Не хотелось признавать это, но придётся добираться до Лемиста на своих двоих, а учитывая минувшие обстоятельства — и вовсе на одной.

Сразу за порогом он проклял трижды решение надеть олимпийку, поверх плотной футболки с изображением кита. Погода в их городе была чередой спонтанностей и могла ме-

няться не то, что за день, но и буквально за несколько часов. Сейчас же от вчерашнего шторма остался разве что мусор, бережно разложенный ветром по разным сторонам дороги.

Дом семьи Делано находился в нескольких милях южнее, и он преодолел это расстояние с завидной для хромого человека скоростью. Леми обычно не ходит на воскресную мессу, как, в прочем, и сам Джозеф с недавних пор, и, с вероятностью сто процентов был дома — за учёбой. Если его друг и отличался слепым рвением к чему-то, то лишь к прогрызанию пути в светлую жизнь через кипу учебников.

Приблизившись к дому друга, он подобрал небольшой камень и с точностью бейсболиста запустил его в окно, попав точно в цель.

— Жук, выходи! — вытянул Джозеф, не щадя голосовых связок. — Мне тебе срочно нужно кое-что рассказать!

Долго ждать не пришлось. Уже через пол минуты окно открылось, и в проёме показался знакомый вытянутый силуэт друга.

— Так, может, сам поднимаешься? — ответил Леми.

— Не могу, нужно ещё за Мари заскочить. Встречаемся в беседке. Там всё расскажу.

— Ты же знаешь, нам запретили там появляться.

— Антиквар уезжает по выходным, беседка целиком наша.

Мари жила в небольшом уютном доме на отшибе старого района Вила-Велья. Туда его любезно подкинул знакомый

рыбак — хоть какая-то удача сегодня. Но нога всё равно тугой болью напоминала события минувшего вечера и мерзко ныла. Бинты Джозеф не решался менять, хотя пора было. И в больницу надо, конечно... Как минимум, проверить рану на заражение и посмотреть, что там вообще с ногой творится. Мари дома не оказалось, как и её мамы, сеньоры Левек. Что ж, не он один выскакивает ни свет ни заря, чтобы решать дела выходного дня.

Ещё раз заглянув в окна дома и подметив небывалый для семьи Левек бардак, он выскользнул с их дворика. Напоследок подмигнул старому бульдогу, который за выслугой лет уже не то что не мог охранять дом — для него кость ничем не отличалась от металлического прута, что по вкусу, что по запаху. Поблагодарил его мысленно за добродушие: пустил ведь, не тявкнул. Как будто у бедолаги был выбор.

На этом прыткость Джозефа закончилась, как и силы на дальнейшее передвижение. Олимпийку из-за жары пришлось повязать вокруг пояса. Потеряв остатки утреннего запала, он кое-как добрался до Дворца Яблонь. Пришлось забираться ещё выше по склону и обойти его не с самой презентабельной стороны — перелезть через забор в его состоянии было сравни подвигу, на который он не был готов идти. Зато с этой стороны дворца зияла щель в прутьях, размером не меньше двух таких, как он. Друг уже рыскал в яблонево́м саду позади беседки.

— После такого ливня, жуки обычно выползают — их

укрытия затапливает, — начал Леми, не оборачиваясь, стоило ему услышать приближение друга. — Им приходится искать новое жильё и сейчас можно встретить интересные виды. Я недавно читал в «Энтомологии за апрель», что в нашем регионе видели доселе неизвестные экземпляры.

— И как успехи? — спросил Джозеф, опершись о шершавый ствол яблони.

— Пусто, — с досадой ответил тот, развернувшись к беседке. — Может, не там ищу. А может в этом саду мы уже выловили всё, что было можно. Пора искать новое место.

— Вот если бы ты помогал мне с базой, мы бы возродили наш «Клуб жуколовов», — подначил Джозеф.

Они медленно зашагали из сада. Хотя Джозеф и шёл позади, от внимания Леми не ушёл факт его хромоты. Затем устроились в беседке так, как любили только эти двое, когда предстоял интересный диалог — развалившись на полу спиной друг к другу. Тут-то и пригодился лишний элемент одежды. Сквозь прозрачную крышу беседки можно было наблюдать покачивание веток и пролетающие по небу облака — особенно притягательные сегодня, похожие на клочья сахарной ваты и имеющие причудливые формы. Это отгоняло ненужные мысли и помогало настроиться на нужный лад.

— Мари так и не понравилась идея с жуколовами, — тепло улыбнулся Леми, вспомнив день, как они переименовывали «Джолем» во что-то более подходящее духу троицы.

Джозеф повернул голову на Леми.

— Ты всё ещё думаешь, что «Тринспектор» был бы лучшим названием?

— Без сомнения, — ответил Леми. — И я до сих пор против «Марледжа». Кстати, Мари придёт?

— Её нет дома. Видимо, куда-то ушла с сеньорой Левек.

Леми уставился на одинокое облако, принявшее на мгновение идеальную форму майского жука — с округлым телом, лапками и даже намёком на усики. Оно быстро проплыло, обнажив ярко-жёлтый диск солнца, который уже поднялся достаточно высоко над портом Объятий, чтобы слепить глаза и греть животы через пластик крыши. Джозеф знал, что Леми расстроился из-за отсутствия Мари.

— Так что там у тебя такого случилось, раз ты, хромой, не поленился дойти до меня, потом до Мари, а следом ещё и сюда? Сколько это, вообще, миль?

— Миль десять, наверное, — подсчитал Джозеф. — Ты заметил, что я хромаю?

— Слепой бы не заметил, Джоз. Выкладывай, что ты там опять натворил. Будем решать.

«Какого фига ты решил, что это я опять что-то натворил?» — хотел огрызнуться Джозеф, но вместо этого окунулся в рассказ о вчерашнем вечере. Он описывал всё по порядку: первые тяжёлые капли дождя, безумную гонку на отцовском скутере, силуэт под тёмным бутиком и трёх женщин с побелевшими волосами и странной пылью... а под конец — неизвестного сеньора в шерстяном чёрном пальто и шля-

пе, его улыбку и странное, сбывшееся предсказание. Пока он говорил, нога мерно пульсировала, будто подставляя себя под колесо снова и снова.

Во время этого разговора Леми не проронил не слова. Его непроницаемое лицо тоже не говорило ни о чём. Когда Джозеф закончил они ещё несколько минут молчали, переваривая сказанное.

— Получается, — начал Леми. — Ты не знаешь куда увезли этих девушек? Это хотя бы машина скорой была?

— Я не знаю, Жук. Было темно, машина стояла у соседнего магазина, а я со своего места видел ровный счёт — ничего. А эти санитары... На вид, как обычные докеры или рыбаки, разве что от них не разило, как обычно.

— А тот незнакомец? Он появлялся потом? — продолжал вопрошать Леми.

— Нет. Я увидел его лишь раз, за тёмным стеклом. Потом слышал о нём только от санитары — это он их позвал.

Джозеф поёрзал на полу, подпер голову руками. Продолжил:

— Знаешь, что беспокоит меня больше всего в этой истории? Серебристая пыльца. Она была на волосах, одежде и полу, а сами волосы, как будто поседели. Я уже видел это раньше, понимаешь? Но мой мозг оберегает меня, отказывается вспоминать, как будто от этих воспоминаний зависит моя жизнь.

Леми ненадолго задумался, собирая мозаику маленькими

пазлами. Многих деталей не хватало, но и без них было чётко видно картину происшествия.

— Итак, что мы имеем, — стал подводить итог Леми, загибая пальцы и не отрываясь от проносящихся облаков. — Три женщины с белесыми волосами, незнакомец, отключающий погоду, и санитары, которые, возможно, вовсе не санитары. Ну, тут всё просто: случай с погодой — обычное явление в нашем городке. Если я скажу, что вечером поднимется сильный ветер, то буду прав процентов на пятьдесят. Резкое её изменение, а также изменение температуры и влажности всегда влияло на артериальное давление. Скорее всего, женщины были метеозависимыми, и у них случился гипертонический криз. На докторов мы внимание не обращаем — кто бы они не были, они просто пришли помочь. И выполнили свою миссию на все сто, сохранив тебе ногу и увезя пострадавших. Получается, одними размышлениями я закрыл дело больше чем на половину.

Джозеф резко развернулся на друга и ошарашено посмотрел на него, не веря своим ушам.

— А как же пыльца? — не унимался он.

— Тебе померещилось. Сам сказал, что потерял тогда много крови и провалился в беспамятство. А когда проснулся, была ли там пыльца?

Джозеф осунулся и свёл брови, пытаясь припомнить этот факт.

— Последнюю женщину уже выносили, когда я очнулся.

Но там точно была эта пыльца! Я видел её и трогал! Она просачивалась, сквозь пальцы, как песок или крупа. Я же не совсем с ума сошёл, Жук!

— Ладно, — шумно выдохнул Леми, поднимаясь с пола. — И что ты хочешь узнать в этом деле?

Джозеф подумал, что будь здесь Мари, она бы обязательно поддержала его. Уж кто-кто, а она нашла бы связь в этих событиях и помогла бы распутать клубок. Джозеф был ошарашен поведением друга, хоть оно и было предсказуемым.

— Ты чего, Жук? Не понимаешь? Эти события связаны, мы должны в этом разобраться. Может ты забыл, но третье правило клуба «Марледж» гласит: если кто-то из членов клуба попал в происшествие, имеющее необъяснимые вводные, то оно должно быть расследовано в кратчайшие сроки, чтобы обезопасить нас и наших близких.

Леми громко рассмеялся; его тенор спугнул притаившихся в саду птиц.

— Все необъяснимые вводные я, вроде как, объяснил. Кроме этой твоей «пыльцы фей». А ещё, может, ты забыл, но правил в клубе всего два, — Леми нагнулся к Джозефу и потянул его на себя, помогая подняться. — Джоз, скоро выпускные экзамены. На твоём месте я хотя бы начал к ним готовиться. А то не светит тебе ни школа Филлипы де Ланкастр, не Клары де Ресенде. Пора повзрослеть, друг.

Внутри Джозефа уже успела вскипеть и выпариться обида, оставив на дне лишь прикипевший осадок. Леми, без-

условно, был прав. И насчёт того, что все случившееся — лишь стечение вполне объяснимых событий, и насчёт подготовки к выпускным экзаменам. Да и про то, что третье правило он выдумал на ходу. Просто Леми легко было говорить — ему учёба давалась без усилий. Он был круглым отличником, входил в десятку лучших учеников школы. А Джозеф мало того, что зачастую прогуливал, так ещё и учился из рук вон плохо.

Джозеф вскочил, отбросил руку друга. Вместо тысячи слов, он лишь хотел одного — круто вмазать этому выскочке, поставить на место. Он не стал этого делать, сдержался, подавив вырывающееся наружу чувство обиды.

— А может, и база нам не нужна? — его голос в любую секунду готов был сорваться на крик. — Я один горбачусь там, и ради чего? Да чтобы ты пришёл и снова поныл, как тебе надоел родительский контроль! Чтобы у нас было место, где можно отдохнуть от всего и заняться любимым хобби, без осуждения со стороны. Мари смогла бы там рисовать, а ты заниматься жуками и радио. Мы же вместе принимали решение, чтобы создать это место! Чтобы было где легенды рассказывать и смеяться до слёз. Разве тебе это больше не нужно?

В ответ Леми лишь мотал головой, закатив глаза.

— Ох, ну вечно так с тобой. Я, Мари и ты — мы ещё соберемся в том домике. Просто сейчас нужно направить свой пыл в другую сторону — в сторону учёбы. Но раз ты так

рвёшься расследовать это дело, я немного помогу. Мама, как раз вернулась с суточной смены в больнице. Спрошу у неё, привозили ли сегодня тех женщин.

Леми похлопал Джозефа по плечу. Он знал друга лучше всех, и, как менялась погода в Сан-Мартинью-ду-Абрансу, так же быстро и менялось настроение друга. Превращаясь из кипящего и густого варева ярости в морской штиль под палящим солнцем.

— Ну раз уж сегодня дел нет, — продолжил он, медленно ступая из беседки. — Предлагаю пойти и доделать нашу базу.

Джозеф тут же ободрился и догнал друга.

— Только сначала нужно разобраться с мотороллером. Опять капризничает.

— Прямо, как ты, — усмехнулся в ответ Леми.

Мари

Мари сидела, освещённая тусклым светом лампы, на неудобной пластмассовой скамейке в оживлённом коридоре больницы Милосердия Святого Мартина. Несколько бессонных часов сузили её мир до глухой опустошённости, а её лицо, обычно бледное, сейчас было блее мела. Для ненавидящей больницы Мари коридоры, по которым без конца снова-ли сёстры милосердия в белых косынках, были одновременно пустыми и мертвенными.

Грудь и желудок сжимались, перекрывая доступ кислоро-

да и загоняя сердце в тесную клетку — так уж был устроен её организм в стрессовых ситуациях, и с этим она ничего не могла поделать. Нижняя губа саднила и кровоточила от постоянных надкусов.

Мысли, кружившие встревоженными чайками в голове, на миг затихли, когда дверь с мозаичным стеклом, поглощавшим видимость внутри палаты, наконец открылась. Оттуда вышел мужчина в белоснежном хлопковом кителе и таких же брюках. Его взгляд отражал утреннюю усталость и отрешённость.

— Здравствуйте. Вы Мари Левек? — спросил он, не отрываясь от планшета с бумагами, на которых не переставал что-то записывать.

Мари кивнула; её рыжие локоны, которые она так тщательно заправляла за ухо, вновь сползли на лоб. Мысли, словно накрытые непроглядной тенью, тут же принялись подкидывать самые ужасные варианты.

— Я доктор Энрике Пачеку. Пациентка Иара Левек приходится вам матерью?

Она вновь кивнула.

— Есть ли другие родственники у больной, которых я могу уведомить о её состоянии здоровья.

— Да, — неуверенно ответила девушка. — Мой отец. Томас.

Он отвлёкся от тетради и пристально посмотрел на Мари.

— И где же сейчас находится Томас?

— Я... не знаю. Я уже месяц не общаюсь с ним. Он ушёл от нас и, говорят, переехал в трущобы восточной части порта. Вы можете сообщать всё мне.

— А есть ли у вашей матери родители? — словно проигнорировав её, продолжал допрашивать доктор. — Братья, сестры?

Он вновь вернулся к планшету, готовясь записывать то, что скажет ему Мари.

— Есть, — закивала Мари. — Они живут в соседней деревушке и, скорее всего, ещё не знают, что мама в больнице. Скажите же мне, доктор, что с мамой?

— Так, хорошо, мы их обязательно известим. Мне также нужны от вас демографические данные пациентки — рост, вес и возраст. Она ещё не в состоянии что-либо нам сообщить.

За секунду глаза Мари расширились до состояния двух жирных клякс. Доктор Пачеку, сам того не подозревая, уже всё рассказал ей о состоянии её матери — она всё ещё находилась без сознания. Мари подскочила, сверкнув угольками глаз.

— Доктор Пачеку, скажите мне прямо, что с моей мамой? Ручка в руках доктора замерла, от опустил планшет и посмотрел на Мари болезненными глазами неспящего уже несколько суток человека.

— Боюсь, что мы сами не знаем, что с ней, — он потёр глаза у переносицы. — Наша больница впервые столкнулась

с такими симптомами. Если говорить прямо и по делу, то её состояние — что-то между летаргическим сном и комой. Мы пока не разобрались, но это уже второй подобный случай за прошедшую ночь.

— Доктор, а можно мне её увидеть?

— Сейчас это невозможно. Но через несколько дней, когда её состояние стабилизируется, ты сможешь навестить её. Переживать не о чем, её состоянию ничего не угрожает. А вот тебе, Мари, сейчас не мешало бы поспать. Ступай домой. Твоя мама в надёжных руках.

Стоило ей сделать несколько вязких шагов по коридору в сторону выхода, как Энрике Пачеку окликнул её.

— Мари, хорошо бы ещё навестить отца и помириться. Не пристало молодой девушке жить одной, без родителей.

— Хорошо, доктор Пачеку, но это уже вас не касается, — бросила она в ответ.

За дверьми больницы Милосердия Мари встретил свежий ветер, спускавшийся с гор. Он приносил с собой сладкий аромат ностальгии от цветущих апельсиновых деревьев и глицинии. А ещё он снимал с плеч тяжелый груз. Мари хотелось бежать, как минимум до Джозефа и Леми, укрыться в диалогах с ними от всех кошмаров, навалившихся на неё, а как максимум — куда-нибудь подальше от этого города. Но совет о том, что неплохо было бы наверстать упущенный сон, когда впереди уже маячили школьные будни, показался ей более удачным.

Зайдя домой, Мари оглядела беспорядок, который она не успела прибрать прошлым днём. Осознав, что даже он может подождать, она побрела в свою комнату. Сегодня она точно больше не захочет просыпаться.

Глава 4 Пока не умрём?!

4 декабря 1954 года

Леми

Начало декабря в портовом городке застыло непроглядным туманом, влажностью свыше ста процентов и серым небом, опустившимся так низко на крыши, что казалось — облака сплелись в единый клубок с тенями домов. Ветер, свистящий с холмов в этот период, продирался сквозь любую преграду: разгуливал по причалам, в узкой улице Касальдас, в богатом районе Менус и буквально просачивался сквозь стены. Едва ли несколько слоёв одежды спасали жителей от этой мерзостной сырости.

«Очередная вымокающая зима в Абрансу, — думал Леми, спеша на встречу новоиспечённого клуба. — Впрочем, ничего нового».

Если бы Леми только мог не выходить на это дурацкое собрание, он бы сделал это не раздумывая. Сел бы у камина — уж камин-то явно выручал в такие дни, — прихватил несколько интересных научных книг и сидел бы, пока сон не сморил его. А уж про то, что заболеть в такую погоду было легче лёгкого, он и думать не желал.

Вчера в школе Джозеф пообещал, что это собрание будет самым важным и они не будут мёрзнуть в беседке, а проникнут внутрь Дворца Яблонь. Наверное, этот неподдельный ин-

терес к особняку и подкупил Леми оторваться от изучения у себя очередных симптомов новой болезни и выползти на улицу.

«*Да уж, в таком тумане сам чёрт ноги себе пообломает*», — мелькнула очередная мысль, когда он выбежал на широкую улицу Ревэро. В солнечные дни здесь можно было лицезреть разнообразие довоенной архитектуры: фамильные имения и малые дворцы, растянувшиеся глубоко внутрь города и вверх по склону. Сейчас же и дома, и кованые заборы в свою призрачную пасть успел заглотить липкий туман.

— Согласен, не самая лучшая погода, — словно прочитав его мысли, подтвердил Джозеф, выскочив непонятно откуда — то ли с другой улицы, то ли вовсе прятался за углом дома.

Наконец Леми смог остановится, чтобы перевезти дыхание. Подъём в гору в шерстяном свитере с высоким горлом, да ещё и в плотной ветровке, изрядно вымотал его.

— Я думал, что опоздаю, — выдыхая клубы пара, проговорил он, обрушив длинные руки на колени.

— По правде говоря, я тоже думал, что ты опоздаешь — ты никогда не отличался пунктуальностью. Поэтому я и вышел тебе навстречу. Вдруг ещё заблудишься или, того хуже, свалишься от какой-нибудь болезни по дороге.

— Не смешно, — Леми накинул капюшон и затянул завязки, прячась в горлышке свитера, как черепаха в своём панцире. — В нашем климате не заболевают только люди с ис-

ключительно удачной генетикой, невероятно крепким иммунитетом, либо докеры в порту — и то лишь потому, что они уже срослись с этой сыростью. А я не отношусь ни к тем, ни к другим, ни к третьим.

Леми неодобрительно окинул Джозефа, который менял свою олимпийку только на Рождество и день своего рождения. Его самого пробрала леденящая дрожь, а друг стоял при семиградусной температуре, как ни в чём небывало, без шапки и даже без толстовки под лёгкой олимпийкой.

— Ты к ним тоже не относишься, — констатировал Леми.

— Да у меня здоровья на нас двоих хватит, Жук. Мне на зимовку не нужно никуда зарываться.

Внезапно Леми охватило беспокойство, он вспомнил о третьем члене клуба, которая сейчас, возможно, была одна-одинёшенька.

— Мари уже пришла? Не говори, что ты бросил её ждать во дворе особняка.

— К твоему сведению, я уже благополучно нейтрализовал представителя древней охранной системы и взломал замок. Мари, наверное, уже всю исследует его внутренности.

— Вот ты болван. Она хоть и любопытная, но не самая смелая из нас. Бежим скорее!

«А среди нас есть смелые?» — подумал Джозеф, ускорившись, но промолчал.

Они быстро преодолели улицу Ревэро и примыкающие к ней проулки, срезали через несколько частных дворов,

укрывшись в белых клубах тумана, словно в плотной завесе, и выбежали к главным воротам Дворца Яблонь. Дневной полумрак не давал в должной мере оценить красоту этого произведения готического искусства, лишь смутно угадывались очертания острых шпилей, узких окон и мрачной лепнины.

— Как думаешь, Лумпиану сегодня на смене? — спросил Леми, глядя на мрачные чёрные пики забора, возвышающиеся на высоте трёх метров и утопающие в сырой мгле.

— Он, наверное, уже помер, — ухмыльнулся Джозеф, как будто этого стоило ожидать.

Недолго думая, он в несколько притких движений оказался на самой вершине забора и с грацией кошачьих перепорхнул на другую сторону. Леми пришлось повозиться, скользя по влажному металлу.

— Мы не видели его по меньшей мере несколько месяцев, — добавил Джозеф уже из-за ограды.

— Я вообще слышал, — кряхтя, начал Леми, — что дворец вновь выставлен на продажу и, вроде как, даже есть покупатель — антиквар, живущий по ту сторону океана. Сейчас идёт урегулирование последних юридических вопросов, и вскоре он должен объявиться. Кому вообще нужен наш городок?

— Ну, если город такой же древний, как и легенды старика Густава, то я предполагаю, что интерес антиквара — чисто академический.

Не дожидаясь друга, Джозеф направился по утопающей в

траве тропинке к крыльцу, со всех сторон украшенному потускневшими изваяниями химер и горгулий. Леми, справившись с преградой, которая всё дальше отделяла его от тёплого пледа и книг, ступил в неподвижный мрак двора, где, казалось, даже капли дождя застывали в воздухе.

Дверь всё тек же, как и полчаса назад, была открыта. Мари стояла сразу за ней и не шевелилась. У Леми от сердца отлегло, когда он со спины увидел её силуэт в целости и сохранности.

— Знаете, мальчики, — не оборачиваясь, сказала она дрожащим, сдавленным голосом, — если долго смотреть в темноту, то темнота непросто начинает смотреть в тебя. Она меняет точки восприятия и смотрит туда же, куда и ты, буквально твоими глазами. Я чудом осталась на ногах и молилась, чтобы наконец кто-нибудь из вас объявился.

— Прости, Мари, — успокаивающе ответил Леми, подходя ближе. — Не стоило доверять тебя этому олуху.

Джозеф хотел что-то возразить, но смолчал, так как понимал, что по-крупному облажался.

— Я и сама не могла поверить, — дополнила Мари, — что боюсь темноты, до того момента, пока этот страх не сковал ноги. Мне повезло, что это место не издало ни единого звука, который загнал бы моё сердце глубоко в пятки.

Две руки легли на её плечи поверх плаща, и она почувствовала необычайное, живое тепло, исходившее от друзей. В следующую секунду Джозеф чиркнул зажигалкой. В воз-

духе повис резкий запах керосина, и слабое пятно света задрожало, озаряя пространство вокруг и выхватывая из мрака отслоившуюся лепнину, местами треснувшие стены и восходящую лестницу с изъеденным ковром. Весь пол вестибюля был исчерчен чьими-то недавними следами.

— Идём, Мари, погреемся, в этом доме просто обязан быть камин.

— Я не знаю, что я с вами сделаю, если мы его не найдём,
— строго ответила Мари.

— А мы его непременно найдём, — вставил Джозеф. — Я же обещал вам.

Друзья выстроились в цепочку, разместив Мари по центру, и двинулись в глубь первого этажа, осматривая комнаты. Двигаясь в призрачном полумраке, разрезаемом лишь слабым огнём зажигалки, они не могли не отметить потрясающее убранство дома — тяжёлую резную мебель, потрескавшиеся портреты в золочёных рамах, застывшие канделябры, пришедшее прямиком из середины семнадцатого, конца восемнадцатого века. Но больше всего поражала чистота. Ни пылинки на полированных столешницах, ни паутины в углах, только глубокие, жирные тени, будто вычерченные тушью. Время внутри словно замерло, затаившись в ожидании чего-то или кого-то. Даже пыль и затхлость боялись сюда проникнуть.

Никто толком не знал, сколько пустует Паласио-ду-Монте. Даже его истинное название потерялось в потоке лет, и

он стал просто дворцом на холме. На деле же это здание едва ли можно было назвать дворцом — так, крупный особняк. Торговки и любители потрещать языком на площади говорили, будто помнили последнего владельца, словно он съехал отсюда только вчера. Но стоило спуститься вниз, в порт, и расспросить рабочих и рыбаков, как их лица вытягивались в ужасе. Они с заиканием отзывались об этом месте, клялись, что видели воочию, как этот трёхэтажный особняк просто возник меж холмов — не от мира сего и не к месту.

Истинную историю этого особняка могли поведать лишь древние старики, те немногие, что ещё цеплялись за жизнь в старом районе Вилла-Велья. И то это были лишь легенды. Но Мари была истинным знатоком и охотником за легендами ду-Абрансу. Она-то и поспешила разузнать всё о месте, куда однажды случайно забрела и наткнулась на мальчишек.

— Этому особняку, по меньшей мере, лет двести, — начала Мари, явно приободрившись в присутствии Леми и Джозефа, когда они вышли в гостиную, где мебель затаилась, наглухо накрытая плотными полотнами. — Его построил и спроектировал бразильский дворянин и торговец, выходец из семьи Нуар, ещё на заре восемнадцатого века. Он был убеждённым католиком, и близость церкви Святого Мартина его прельщала. Он надеялся обзавестись в этих краях женой, детьми и закончить, наконец, бесконечные скитания.

Афера ему удалась, но не так, как он ожидал. Свою любовь он встретил в столице во время гастролей русской опер-

ной труппы. Ею стала примадонна по имени Диана. Поговаривали, что красотой своей Серпухова Диана затмевала софиты, а голос у неё был таким сладостным, что от одной арии можно было заработать диабет, и влюблял он в себя с первых нот. Так и произошло с ним. В вечер первого представления он решил во что бы то ни стало забрать её в своё имение. Спустя несколько лет погони по городам и бесконечных — часто безрезультатных, но в последствии заимевших успех — жестов внимания он добился своего, и вскоре они поженились. Оставалось лишь наполнить дом детским смехом.

Но счастье всё не наступало. У Дианы был один выкидыш за другим. Вопреки целебному воздуху моря и церкви под боком здоровье Дианы лишь таяло. Во время очередных, самых тяжёлых родов бедняжка скончалась. Не сумев пережить горькую утрату, он оставил особняк и вернулся на родину. Золотом Бразилии он оплатил содержание дома до конца своих дней — в память о возлюбленной. После его смерти особняк неоднократно выставляли на торги. Новые владельцы задерживались здесь ненадолго — месяц, от силы сезон, — а затем съезжали, бормоча что-то о сквозняках в спальнях, о детском плаче, доносящемся из пустых коридоров и о странных песнях, звучащих из самих стен. Увы, но это всё, что я смогла узнать.

Во время этого рассказа Леми смотрел на Мари заворожённо. Эта её черта — рассказывать самые необъяснимые легенды лёгким и мелодичным тоном — ему всегда нрави-

лась. Слабый отсвет пламени дрожал на её скулах и тёплых губах, которые даже в миг паузы оставались чуть приоткрытыми, словно готовые в ту же секунду ответить на любой вопрос. Её брови, обычно разлётom, сейчас сходились к переносице, придавая лицу в полумраке неповторимую загадочность — выражение глубокой, почти древней сосредоточенности, которого Леми не видел больше ни у кого. В этот миг она казалась не просто девушкой из их школы, а хранительницей чего-то безвозвратно утраченного, голосом самого старого камня в этих стенах.

Напротив гостиной они наткнулись на скромную, но невероятно обширную библиотеку. Книгам не было конца и края — они стояли плотными рядами, их корешки, потрескавшиеся и поеденные временем, хранили мудрость столетий. Леми водил пальцами по ним, смахивая несуществующую пыль и шепча названия: трактаты по ботанике, латинские поэмы, тома по алхимии.

Затем они прошли в большую обеденную, где стеклянная дверь вела в зимний сад. Там, за мутными стёклами, виднелась одинокая, скрюченная, будто в агонии, яблоня и буйство дикого плюща, поглотившего всё остальное. Джозеф дёрнул ручку — дверь, казалось, приросла к раме намертво. Остальные двери, которые, по их предположениям, вели в подвал и кабинет, тоже не поддавались. Камина на первом этаже не оказалось.

В голове у каждого из троицы не укладывался простой во-

прос: как при таком всеобщем запустении — плесень на стенах, сырость, скрип половиц — всё вокруг было идеально чистым? Кто-то должен был протирать эти поверхности. Из дня в день. Из года в год.

— Я просто не верю, что такой особняк не имеет уютного камина, где можно греться в промозглые зимние вечера, — бурчал Джозеф, пытаясь оправдать свою авантюру.

— Здесь больше не на что смотреть, — заключила Мари с лёгкой тревогой в голосе. — Идёмте на второй этаж.

Проникнуть незамеченными у них не получилось бы даже без света. Старые дубовые половицы лестницы были на каждый шаг протяжным, болезненным скрипом, будто жалуясь на незваных гостей. И когда коридор второго этажа наконец показался впереди, Джозеф резко замер, вцепившись в перила.

— Там кто-то есть, — шёпотом сказал он, прижимая друзей в тень. — В комнате свет.

Троица сгрудилась на одной ступени, затаив дыхание. Из-за двери в левом конце коридора лился тёплый, медовый свет — не резкий электрический, а мягкое, живое свечение, будто от камина или множества свечей. Тишина была настолько густой, что они слышали биение собственных сердец, вой ветра за стенами и настойчивый стук голых веток по стеклу.

— Не бойся, — шепнул Леми, но его собственный голос звучал напряжённо. — Если бы здесь был сторож или ещё

кто, то нас бы давно погнали в шею. Мы шумим, как стадо слонов.

— Ждите тут, я разведаяю, — заявил Джозеф, пытаюсь придать себе решимости. — В случае чего — бегите без оглядки.

Однако его «разведка» была обречена. Каждая половица в коридоре отзывалась на его шаг громким, предательским стоном. Они были плохими воришками, жалкими конспираторами. Поняв это, Леми и Мари молча догнали друга.

— Что вы делаете? Я же сказал ждать! А вдруг пришлось бы удирать? Я бы героически пожертвовал собой, чтобы вы остались целы, а теперь нам всем крышка.

— Мы уже поняли, что дом пустой, Джоз, — проговорил Леми, пытаюсь выглядеть смелее в глазах Мари. Сердце колотилось где-то в горле. — Опаснее всего было оставаться на лестнице без света. Шанс, что она обвалится, гораздо выше, чем то, что в этой комнате кто-то сидит.

— Это по-любому ловушка! Там наверняка притаился Лумпиану!

— Судя по вашим рассказам, он только на крики и горазд, — фыркнула Мари, подталкивая мальчишек к двери. — Идите же, узнайте, что там.

Они ввалились в комнату кубарем так неловко, что зажигалка выпала из рук Джозефа и со звоном погасла. Леми и Джозеф поспешно вскочили, отступая к стене. Следом в комнату заглянула Мари.

— Ну вот, видите? Тут нечего бояться, — добавила она.

— А мы и не боялись, — ответил в своей показушной манере Джозеф. — Мы переживали только за тебя. Вряд ли ты угонишься за нами, если мы решим бежать.

— И вы действительно оставили бы меня?

— Только не я, — тихо, но чётко сказал Леми. — Я бы никогда тебя не оставил.

Она с благодарностью взглянула на него, завела прядь волос за ухо и, наконец, посмотрела поверх их голов. Через мгновение все трое уставились в одну точку.

Напротив них ярче прежнего вспыхнул камин.

Огонь играл тенями, разбрасывая лепестки охры и ржавые искры. От его тепла исходила прокалывающая аура. Он мирно потрескивал, буквально зазывая к себе, на огромный выцветший ковёр, лежащий перед ним. На ковре смутно просматривалось вытканное изображение: двое бледнолицых детей с крыльями, как у ангелов, заключённых в круг шипов и увядших цветов. Над ангелами, как и на самом камине были инициалы.

«А.Н», — подумал Леми. — А.Н? — повторил он уже вслух, обращаясь к Мари. — Так звали бразильского дворянина?

Мари пожала плечами; от чего-то она была не в силах вымолвить ни слова. Леми почувствовал, как по спине пробежал холодок — не от сырости, а от чего-то иного. Кто-то явно решил над ними неудачно подшутить. Он пытался слу-

шать своё рациональное «я», которое отчаянно рвалось всё объяснить.

— Наверное, сторож не так давно был тут, прибирался... и забыл загасить огонь, — продолжил Леми, но его слова повисли в воздухе, не находя отклика.

— Кто бы его не зажёл, он дал нам возможность согреться, — смогла выдать, наконец, Мари, дрогнувшим голосом. — И провести заседание клуба. Вы же не забыли, зачем мы здесь?

— Мари права, — неожиданно отозвался Джозеф серьёзным тоном, который был совершенно ему не свойственен и не подходил. Он прошёл и устроился на зловещем ковре, протянув ладони к огню. — Сегодня мы должны принести клятву верности нашему клубу, пускай и при таких странных обстоятельствах.

— Никаких странных обстоятельств, — упрямо вторил Леми, но всё же прошёл и уселся рядом, тепло камина напомнило ему о доме и книгах. — Каминны не загораются только потому, что мы хотели. Лумпиану был тут. Должен был быть. Просто мы разминулись.

— Ну хватит уже, — мягко остановила его Мари. — Что там у тебя, Джозеф?

— Отбросим лишние разговоры, — нахмурил он брови, пробежавшись по лицам друзей. — Цель нашего клуба самая что ни на есть благородная — создание безопасного пространства. Где есть место слезам и обиде на весь этот мир, а внутри царит гармония, дружба и поддержка каждого его

участника. Рисунки и насекомые здесь найдут свой дом и место под крышей. Если хочется, можно отдохнуть от родителей и учёбы. Ну, а если ты Лемист Делано, то можешь продолжать учиться и у нас, — улыбнулся Джозеф, глядя на недовольную мину друга. — Сегодня каждый из нас принесёт клятву и заплатит вступительный взнос в пользу клуба. Предупреждая вопросы — мы не материалисты и отвергаем любые денежные средства. Наша валюта — тайны. Сегодня каждый из нас — а в последствии и те, кто захотят вступить, — расскажут тайну, которую мы будем хранить, пока не умрём.

— Пока не умрём? — закашлялся Леми, и в его голове тут же мелькнули симптомы всех болезней, описанных в медицинских справочниках.

— Да, Жук. Мы заберём все тайны с собой в могилу.

Вой ветра за окном на мгновение стих, и в тишине стало слышно потрескивание поленьев в камине и учащённое дыхание троих подростков. Пламя отбрасывало на их лица грубые тени, делая их на несколько лет старше. Комната, полная призраков прошлого, внезапно стала свидетелем живого и опасного ритуала — обмена доверием. Внезапно для всех первой заговорила Мари, делая очередные наброски в тетради.

— Мой отец, Томас Левек, бывший заключённый. Об этом мне рассказала мама. Он о своём прошлом со мной не говорил ни слова. Даже когда я спрашивала, как они позна-

комились, в ответ получала лишь односложные, вымученные фразы — и все они казались ложью.

Мама же рассказывала, что познакомились они, когда были не старше нас. Любовь их была безрассудная, не знавшая ни границ, ни преград. А потом, когда маме исполнилось семнадцать, за ней, словно тень, стал ходить незнакомец. Она тогда жила в старом районе, у самой границы с портом, и этот человек появлялся везде: у рынка, у аптеки, в конце её же улицы. Он никогда не приближался, просто стоял и смотрел. Словно выжидал.

Отец, узнав об этом, почти перестал от неё отходить. И правильно сделал. В начале июня тридцать восьмого года, после почти полугода этого молчаливого преследования, незнакомец наконец решился. Он попытался напасть на маму в одном из магазинчиков на Кальсаде, где она покупала нитки. Томас был рядом. Завязалась драка, страшная и беспощадная. В давке опрокинули керосиновую лампу. Огонь вспыхнул мгновенно, поглотив полки с сухими товарами и того самого незнакомца. Отец чудом успел вытащить маму на улицу, но сам вернуться внутрь уже не мог — всё пылало.

За это его и осудили. Не за защиту — за смерть человека и поджог. Семь лет он провёл в Карабанчеле, испанской тюрьме. Мама ждала. Писала письма, которые почти никогда не доходили. А я росла, уже зная, что отец у меня есть, но не помня его лица.

На секунду она замолчала, оглядев эскиз в тетради. Уго-

лок её губ дрогнул в улыбке.

— Сейчас он... — продолжала она, взяв цветные карандаши. — Старается. Старается не вспоминать те годы. Ведёт добропорядочный образ жизни, работает в порту грузчиком. И если бы не эти бесконечные, удушающие ссоры с мамой последний год... то, наверное, они могли бы быть счастливы. Как в той старой легенде, которую они когда-то придумали для себя сами.

Джозеф и Леми слушали, затаив дыхание. Когда Мари закончила, никто из них не решился задать лишних вопросов. Тишину нарушал лишь пальцы Мари, удерживающие карандаши и подобно когтям кошки царапающие листы тетради.

Следом заговорил Леми. Он поведал друзьям историю о том, как несколько лет назад в их доме появилась странная карта. Не та обычная схема улиц, что висела в его классе, а другая — ветхая, на грубой, пожелтевшей бумаге, пахнущая плесенью и морской солью. На ней были изображены не столько здания и площади Сан-Мартинью-ду-Абрансу, сколько подземные ходы, змеями протянувшиеся в недрах холма. Тоннели расходились причудливой сетью от церкви Святого Мартина, опускаясь глубоко под землю и выходя далеко в море, под нависшими на юге скалами. Карту эту Леми видел лишь мельком, случайно выпавшую из старого фолианта по истории навигации, который отец принёс с работы. На все расспросы отец — тихий, погружённый в бумагу и типографскую краску редактор местной газеты — лишь от-

малчивался, а наутро карта исчезла. Исчезла так же бесследно, как если бы её никогда и не было.

— Ты думаешь, отец от тебя что-то скрывает? — прервал его Джозеф.

— Не знаю. Он обычный человек. Слишком пугливый, чтобы хранить тайны. И часто ходит в библиотеку. Оттуда он носит мне медицинские справочники, книги по биологии и мои любимые романы Жюль Верна. Та карта могла быть просто случайной находкой в старой книге. Может, он и сам о ней не знал. Но факт остаётся фактом: стоило мне до неё добраться, и она пропала на следующий же день.

— Получается, остался только я. Тот, кто затеял всю эту вылазку, — вздохнул Джозеф, не к месту рассмеявшись и уставившись в пол. — Даже стыдно как-то. У вас, ребята, самые настоящие тайны. А я... Я как открытая книга. Нет, даже не книга. Как рекламный буклет чего-то бесполезного.

— Брось, Джозеф, — подтолкнула его Мари. — Ты — хороший человек и друг. Своеобразный, но зато честный. И без тебя мы бы тут не собрались.

— Она права, — поддержал Леми. — Ты у нас заводишь и генератор идей. Вечный двигатель, которому не сидится на пятой точке.

Джозеф уставился в затухающий камин, и взгляд его тоже будто погас, отражая слабое свечение углей.

— Но я обязан принести тайну, иначе вся эта затея... — он громко выдохнул. *«У меня есть лишь история, сойдёт ли*

она за монету?» — промелькнула мысль, и он посмотрел в глубь комнаты, сокрытую мраком. Поплыли воспоминания, следом заговорил и Джозеф.

— Я практически не помню своего детства после смерти матери. Оно было скоротечно, быстрее летних каникул, и проносилось днями, проведёнными в порту — среди рыбаков, пропахших солью, тиной, дешёвым табаком и алкоголем. Они-то и научили меня взламывать замки, воровать, не моргая врать. Я бегал по их поручениям на рынок, таскал то, что плохо лежит. А мой язык всегда помогал избежать правосудия. Там же, среди ящиков и сетей, я стал спекулянтом. За пару обменов выменял тухлую треску на почти целый велосипед. Когда мне было двенадцать, я будто очнулся. Стал больше времени проводить с сестрой, забирался в отцовский гараж... И нашёл там другое — станки, горы дерева, запах стружки и лака. Это было не воровство, а созидание. Из груды обрезков можно было сделать что-то целое. Что-то своё.

Джозеф замолчал, вместе с ним затаился особняк и стих ветер за окном. Он сдавленно улыбнулся, мотая головой.

— Не тянет на тайну, да? — повернул он голову в сторону друзей.

— Тянет! Ещё как! Значит, это и будет твой вступительный взнос, — развеял тишину Леми. — Который умрёт вместе с нами.

— Тогда осталось только название? — приободрилась Мари, прижимая тетрадь к груди и чувствуя, что пора закан-

чивать собрание: камин практически не грел, и в дом вновь просачивался пробирающий мороз. — Не обижайтесь, мальчишки, но «ДжоЛем» звучит так же, как «желе»и, ощущается так же — бесформенно и несерьёзно, бултыхаясь непонятно зачем.

Леми сложил руки, приняв учёную позу.

— Нам нужно название, отражающее внутренний дух, наши убеждения и то, чем мы будем заниматься. Раз главная тема в нашем клубе — тайны, предлагаю назвать клуб «Геката». В честь богини из древнегреческой мифологии, покровительствующей всему таинственному.

— Идея блестящая, профессор, — подколот его Джозеф, скинув маску меланхолии. — Так и скажи, что ты и вовсе не против, чтобы мы были клубом энтомологов-ипохондриков? Чтобы только и делали, что искали жуков да новые симптомы? Тайны — не единственное, чем мы занимаемся. Ты же, например, любишь проявлять плёнки в своей тёмной комнате?

— Да, — кивнул Леми. — А Мари — рисовать и собирать легенды.

Мари смущённо и пронзительно скользнула взглядом по лицам Джозефа и Леми. От такого взгляда у Леми чуть не выпрыгнуло сердце.

— И вот она — первая легенда и первый рисунок.

Она развернула тетрадь и показала своё творение. На листе Леми и Джозеф бились в этой самой комнате, удерживая

в руках тонкие кинжалы. Выглядели они комично и трогательно, с нарочито вытянутыми конечностями и огромными, полными решимости глазами. От такой графики веяло преодолением. Их врагом было немыслимое чудовище — пламя камина, вырвавшееся из гранитного плена. Оно вздымалось языками-щупальцами, с дьявольскими рогами из раскалённого угля и парой абсолютно чёрных глаз в самом сердце жара.

— Мари! Это великолепно! — восторженно воскликнул Леми. — А почему тебя нет?

— Я не знаю, — пожалала она плечами. — Идеи и образы приходят ко мне сами собой.

— Ну вот, о чём я и говорил, — добавил Джозеф. — Мы втроём — не только про тайны. Я, при всём моём почтении к воровскому прошлому, теперь прирождённый плотник. Могу починить что угодно — от сломавшейся табуретки до старого мотора, от скрипучей двери до поломанного сердца. Мы втроём основали этот клуб. И название должно нести в себе нас всех. Чтобы даже если клуб вырастет, оно всегда напоминало об основателях: Мари Левек, Лемисте Делано и Джозефе Фостере. Друзья! Всё уже придумано за нас. Наш клуб будет называться... *«Марледж»*.

Глава 5 «Марледж» был бравадой

2 мая 1955 года

Джозеф

Утро понедельника размазало Джозефа по кровати, как растопленное масло по чёрствому хлебу. Подняться мешали ноющие мышцы и густой туман недосыпа. Весь вчерашний вечер они с Леми достраивали домик на дереве и весьма в этом преуспели. Даже натаскали мебель, которую Джозеф ещё зимой выпилил и собрал из сосновых досок. Теперь он с гордостью мог сказать, что их укрытие надёжно защищено от сквозняков и готово, по его личным меркам, на семьдесят восемь процентов. И единственное, чего не хватало — обжить сие творение книгами, террариумами и декором.

Вообще подъёмы в школу Джозеф никогда не любил, понедельники — в особенности. Для него каждое утро было сражением, где он — одинокий и не слишком воинственный солдат. А недавняя травма только усиливала это ощущение. Лишь отец, а чаще — Ана София, помогали ему выбраться из цепких объятий Морфея. Но это утро было иным. Сегодня нужно было вновь улизнуть из дома ещё до того, как Фостер старший соберёт семейство на завтрак. Который он, судя по сладковатому запаху жаренных томатов и яиц, уже вовсю готовил.

Взбодрив себя порцией ледяной воды, Джозеф наспех

оделся и проверил рюкзак. Книги, тетради, зажигалка, верёвка — ведь никогда не знаешь, в какой момент она может спасти тебе жизнь, — и прочие мелочи уже лежали на своих местах. Не хватало только пинала. Который, по всей видимости, взяла сестра. А это значило, что этот пинал больше не принадлежал ему.

— Софи! — шёпотом позвал Джозеф, постучав и приоткрыв дверь.

Тонкий, звонкий голосок сестры отозвался сразу. Она всегда вставала без особых трудов, едва рассветные лучи касались её окна. Стоило отдать ей должное — будить других она не любила, тихонько занимаясь своими делами в компании куклы.

— Джозеф! — взвизгнула в ответ она, и Джозеф досадно скривился, поняв, что вся операция по раннему уходу сорвана. До этого момента он ещё надеялся воспользоваться готовкой отца, чтобы проскользнуть незамеченным.

— Да, Софи, это я. Можно войти?

— Заходи.

Комната младшей сестры представляла собой музей деревянных игрушек, которые отец и Джозеф без конца мастерили для неё. Они были повсюду: на письменном столе и под ним, на втором ярусе кровати, где не так давно ютился Джозеф, на подоконнике и даже на шкафу, до которого мог дотянуться только Фостер старший.

Ана София любила всё, что меняло свою форму или, по

меньшей мере, обещало изменить, если приложить усилия, — головоломки, механизмы, а также свою единственную куклу Джессику. Невзлюбила же она тёплые, пушистые цвета и лук. Причём в любом виде или упоминании.

Внутри, как и полагалось самостоятельной леди семи лет от роду, царил невообразимый, но тщательно организованный бардак. Потому что больше, чем лук, она ненавидела уборку. На слова отца о том, что девочка должна поддерживать чистоту в комнате, она отвечала всегда одинаково:

«Я слишком занята. Уборка отвлекает меня от домашнего задания. Я, вообще-то, уже в первом классе. Мне не до уборки. Мне нужно учиться».

Следом, как и полагалось тем, кто не учится, приходил Джозеф и наводил порядок. Потому что любил свою сестру, надеялся немного поиграть с ней и что-нибудь почитать на ночь.

Джозеф прошёл внутрь и отметил, что Ана София не спешила собираться. Она укладывала волосы Джессики, порядок которых был важнее любого порядка в доме. И даже собственных волос. О рюкзаке, в прочем, она позаботилась ещё с вечера.

— София? — протянул Джозеф, акцентируя вопросительный тон и стараясь перехватить её внимание. — Ты случайно не видела мой пинал?

— Видела. Он мне приглянулся, и я его забрала.

— И как же я пойду без него в школу? Можно мне хотя

бы ручку, карандаш и точилку с ластиком одолжить у тебя?

— Пора уже обзавестись своими, — подчеркнула она, бросив в его сторону колкий взгляд, словно он был нерадивым братцем, который без неё и дня бы не прожил в этом суровом городе.

Кто знает, возможно, так оно и было.

Джозеф театрально выдержал паузу, сузив глаза до щёлочек и одарил её одной из своих самых милых улыбок, означающих: *«Я же твой старший брат и вижу тебя насквозь, маленькая врунишка»*.

Вопреки ожиданиям, Ана София полезла в рюкзак, который мало того, что был переполнен книгами, так ещё и весил добрую четверть её собственного веса. Пока она копошилась, Джозеф блуждал глазами по комнате. Его взгляд выхватил из общего беспорядка незастеленную кровать — и мир тут же рухнул.

Звуки утра растворились в давящем вакууме. В горле встал ком — трудно было вздохнуть, сглотнуть, даже пошевелить пальцами казалось невозможным. Перед глазами промчался ураган: бешенная поездка на мопеде, летающий шифер и падающие деревья. Перед глазами три лежащие женщины в витрине. Незнакомец в шляпе. Перед глазами мать, падающая на раскалённую брусчатку. И — прямо на подушке сестры — сизоватая, мерцающая пыльца.

Он подскочил к кровати, преодолев сковывающий ужас, и попытался пальцами собрать пыльцу. В нос ударил смрад

сгнивших магнолий, а по коже прокатилось знакомое, леденящее чувство. То самое, из магазина. И другое, много лет назад. На больничной койке, возле которой он кричал, вцепившись в холодные перила: *«Мама, мама! Пожалуйста, не уходи, прошу тебя!»*

— Софи! — его голос сорвался, сдавленный и чужой. — Откуда... это?

— Это мотыльки оставили, с прозрачными крылышками. Они прилетали ко мне позавчера. Я долго пела с ними и разговаривала. Они сказали, что я скоро тоже стану такой же красивой.

Ана София, наконец откопав «свой» пинал, вытащила оттуда «свои» карандаши и ручку. Подошла к брату и протянула. Джозеф сидел на коленях, уставившись в подушку. Мир сузился до звона в ушах. Звона, который выстукивал азбукой Морзе лишь один вопрос: какого чёрта здесь происходит?

А потом всё ускорилося и понеслось без оглядки, вбрасывая в сознание Джозефа утраченные фрагменты памяти, начиная с пожара в лесу и событий на площади семь лет назад. Тогда его мама так и не очнулась, её поместили в больницу. Врачи говорили, что это кома, вызванная сильным ударом головы. Но пыльца? Хрупкие, сизые кончики её волос, которые обламывались, стоило к ним прикоснуться? Какие, к чёрту, мотыльки?

Он резко повернулся к сестре, схватил её за плечи, перекинулся на волосы. Стал их тщательно, почти болезненно

перебирать. Среди кремовых, непослушных кудряшек было трудно что-либо обнаружить. Ситуация усугублялось тем, что со стороны это выглядело пугающе.

— Что ты делаешь? — недовольно буркнула София, отпрянув.

Джозеф попытался унять дрожь в руках, сделал несколько глубоких, шипящих вдохов, потёр лицо ладонями.

«Так — спокойствие. Нужно невзначай осмотреть все её волосы», — пронеслось в голове.

— Я хочу, — он сглотнул, выравнивая голос, — расчесать тебя и собрать волосы, пока ты будешь заниматься волосами Джессики. Иначе мы с тобой опоздаем.

— Ур-а-а! — запрыгала София. — Ты уже миллион лет не делал мне причёски!

Потом она, словно заметив свои неконтролируемые эмоции, взяла себя в руки и со всей строгостью посмотрела на брата.

— Из-за тебя мне пришлось самой учиться делать это, — заявила она, пододвигая крохотную табуретку и усаживаясь спиной к нему. — Приступай. Только будь осторожен.

Безусловно это была маленькая победа. Но стоило ему взять расчёску, как его пальцы вновь предательски задрожали. Среди её пышных кудряшек он всё-таки обнаружил тонкую, ломкую прядку волос неестественного, тускло-серебристого оттенка.

— Говоришь... к тебе прилетали мотыльки? — спросил

он, стараясь изо всех сил, чтобы его голос не дрогнул.

— Да, вечером, когда я пыталась заснуть. На улице был ураган, и они хотели укрыться. Они мне пели и жужжали, тем самым убаюкивая меня. Они такие красивые. Я тоже такой стану.

— Станешь, — быстро согласился Джозеф. — Только давай не будем говорить об этом папе, хорошо? А то сама знаешь — он не любит насекомых. Узнает и полезет в подвал за своей прыскалкой, которой он обрабатывает двор от вредителей. Мотылькам тоже плохо от такой штуки.

— Хорошо, — улыбнулась она, подняв голову. Их взгляды встретились и Джозеф едва не сдался — слёзы приливом подступили к глазам. Он просто не мог поверить, что эти два бездонных лазурных глаза, в тихой бухте которых он укрывался в шторм уже не один год, теперь сами в смертельной опасности.

— Почти готово, не вертись.

Через пять минут волосы были собраны в два пышных, упругих хвоста по бокам — любимую причёску Софии. А Джозеф, как истинных спекулянт, смог обменять чудовищную панику, на сконцентрированное волнение.

— Поздравляю, леди, — заключил он, окинув её взглядом. — Вы готовы завоёвывать сердца миллионов. И одно уже в вашей власти. Теперь умыться, одеться и завтракать.

— А ты проводишь меня?

— Конечно, *ми кэрида*, — склонил голову Джозеф. — Но,

увы, не сегодня. Зато завтра я понесу тебя в школу на руках, насколько хватит сил.

Дорогу в школу и вопрос отца он не запомнил, в голове крутились лишь мысли об Ане Софии. Друга нигде не было, Мари — тоже. Сгрызая ногти, он просидел первые, невыносимо вязкие уроки до большой перемены. Стоило прозвенеть звонку, он рванул в столовую, забыв о подранной ноге. Он надеялся застать Мари, но и там её не оказалось.

Зато оказались её одноклассницы — вечные сплетницы Моника и Инеш. Они сказали, что Мари сегодня не было на уроках.

— И вообще, она странная какая-то, как и её подруга. Наверное, не стоило их ссорить — идеальный дуэт странностей получался, — добавила ко всему Моника.

Джозеф закусил губу от злости, но не стал ничего говорить им. Для этих девушек не существовало ни авторитетов, ни критики — разве что суждения из очередного выпуска журнала зарубежной моды. Покинув столовую, он направился на поиск друга. И это не заняло много времени: каждую большую перемену тот обитал в самом очевидном для себя месте — в библиотеке. В последнее время Леми открыл для себя труды Жана-Анри Фабра «Энтомологические воспоминания» и теперь изучал их, не отрываясь, с тихим, можно сказать религиозным блеском в глазах.

— Жук, нужно срочно поговорить, — с одышкой проговорил Джозеф, пролетев за семь минут почти всю школу. —

Ты видел Мари?

— Нет, — ответил друг, неохотно отрываясь от старого тома. — Окна её спальни вчера вечером не горели, когда я проходил мимо.

— В школе она тоже не появлялась сегодня, — добавил Джозеф. — После уроков я поищу её.

Стоило последним словам сорваться с губ Джозефа, как разговор стал ещё важнее для Леми. Джозеф прекрасно понимал: всё, что касалось Мари, безусловно тревожило и его. Ведь Леми, ещё несколько месяцев назад признался ему в своих чувствах к ней.

«Лучше бы ты ей это говорил, а не мне, Жук. Или ты хочешь, чтобы я рассказал?» — вспомнились ему слова Джозефа.

— Тогда я с тобой, — без колебаний поддержал Леми. — Только не долго, у меня в четыре кружок. О чём ты срочно хотел поговорить? Тут можем?

Джозеф, нахмутив брови, оглянулся. Библиотека подходила для любых диалогов один на один — она умела хранить секреты. Как и сеньора Бетания, коренная жительница города и бессменный библиотекарь, которая уже не первый год жаловалась на слух. А что касалось других учеников — на большой перемене вряд ли кто-то решит зайти сюда.

— Можем. Сегодня утром я обнаружил на подушке Софи ту же пыльцу, что и в бутике. Она сказала, это оставили мотыльки, которые прилетали к ней в день урагана. А следом я

увидел у неё ломкие серо-голубые волосы.

— Ты точно уверен, что тебе не мерещится всё это? Может, ты ещё не отошёл от падения?

— Да пойми же ты, Жук! — сквозь зубы прорычал Джозеф, покосившись на сеньору Бетанию, но ту, кажется, не отвлёк бы и перезвон колокола над ухом. — Моя сестра теперь тоже в опасности, а мы даже не знаем в какой. Я даже не хочу думать о том, что она может умереть, как моя мама!

Леми вскинул брови. Джозеф никогда не рассказывал подробностей о смерти матери.

— Мама?

Джозеф кивнул, закусив губу.

— Когда я увидел эту пыльцу впервые, что-то знакомое отозвалось в груди, но я не мог вспомнить. А сегодня... воспоминания вернулись.

Леми всегда подмечал мелкие детали, в этом была его фишка. Надорванная кожа на пальцах, сгрызенные ногти, потерянный вид и тремор в кистях друга говорили об одном — он не врал.

— Меня за секунду вывернуло в то воскресенье, — продолжал Джозеф. — Все события семилетней давности... Я видел их, словно снова погрузился в тот ужас на площади. Я уже сталкивался с этой пыльцой, Жук, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Леми, глядя прямо в глаза другу, чтобы тот почувствовал, что не один. — Сейчас самым правильным будет успокоится. Нам же не нужны проблемы

с нервной системой. Недосыпы, стресс, волосы повылезают — к чему это? Я обещал тебе помочь — помогу. Постараюсь узнать о тех женщинах как можно больше, а ты найдёшь Мари. И расскажешь ей всё, начиная от твоей поездки на мотоллере и заканчивая сегодняшним утром. Если ты ещё не понял, то «Марледж» в деле.

Волна облегчения прокатилась по всему телу, как прохладный душ в жару. Джозеф осознал: паника ни к чему не приведёт. Если София была в сознании, значит, у них ещё есть время. И, конечно же, им двоим нужна была Мари. Без её творческого подхода к проблемам, прагматичный и критичный Леми и опрометчивый Джозеф наломали бы столько дров, что хватило бы на два гроба: один длинной почти в сто семьдесят сантиметров, другой — поменьше, всего сто пятьдесят шесть.

Раздался звонок. Леми хлопнул по крышке стола так сильно, что сензора Бетания, подпрыгнула и разразилась криками, что в библиотеке не принято шуметь. Но ни Джозеф, ни Леми этого не слышали — они уже без оглядки неслись на урок.

Мари

Этим утром Мари не испытывала стыда. Стыд вообще был ей чужд, даже если она проспала почти сутки. Она не пошла в школу — нахождение в ней было ей безразлично, ровно как и новость, что Моника и Инеш нашли себе очередную

«подругу», а Эльзу отправили на скамейку запасных. Теперь и та вдруг вспомнила о существовании Мари. Но для Мари Эльза уже навсегда осталась предательницей. А ещё её сон длился так долго, что любой житель Абрансу, да и не только, счёл бы его вызовом всему обществу. Зато она выпалась. И уже к девяти была у больницы, чтобы проведать маму. Казалось, сейчас всё остальное вокруг поблёкло и утратило всякий смысл.

Доктор Энрике Пачеку как раз выходил с суточной смены, когда наткнулся на застывшую в дверях Мари. Без халата он выглядел куда солиднее, хоть и немного нелепо: бежевый потёртый плащ, кожаный чемоданчик под мышкой и кепка а-ля провинциальный таксист. Лицо его было изрезано морщинами, как море в шторм, но сегодня казалось посвежевшим — видимо, ночная смена была не самой трудоёмкой, и он успел отоспаться. Удивительно, но врачам за это ещё и платили.

Мари вышла ему навстречу, от волнения накручивая на палец локон рыжих волос. Он в ответ смерил её взглядом так, словно в свои пятьдесят стал предательски забывать лица.

— Здравствуйте, доктор.

— Доброго утра, девушка. Вам что-то подсказать?

— Я Мари Левек, дочь вашей пациентки Иары Левек. Хотела узнать, как обстоят дела у мамы.

— Да... Мари. Припоминаю, — его взгляд сменился на

неодобрительный, даже осуждающий. — Вы хотите слечь в больницу вместе со своей матерью? Какой сарафан, когда на улице двенадцать градусов и жуть как ветрено?

— У меня с собой куртка в сумке, — оправдывалась Мари. — И у меня... разгоряченное тело. Лучше скажите, как у мамы самочувствие?

— Ха, разгоряченное. Каждый второй пациент твердит мне эти небылицы. А потом пневмония, воспаление лёгкий, цистит.

В этом был весь Энрике Пачеку — рассеянный и забывчивый, не устающий давать советы и пропускающий всё мимо ушей.

Разгоряченная Мари уже закипала.

— Доктор, ответьте же! — прервала она его.

— Ох, да, ваша мама. За целый день столько всего проходит, что не успеваешь поспевать. Вы уж извините, Мари. Пульс и дыхание у Иары Левек замедлены до минимума, но при этом зрачки реагируют на свет. Как я уже говорил, это состояние истинной летаргии. Мы склонны предположить на двадцать восемь процентов, что на данном этапе её жизнь в безопасности.

— Сколько, простите, процентов? — воскликнула ошарашенная Мари, сверкнув непроглядными пучинами глаз.

— Двадцать восемь! Но это не все хорошие новости. Вы, девушка, можете её посетить.

— Правда? Спасибо, доктор Пачеку, — только и смогла

бросить она, тут же рванув внутрь.

Вопреки радости встречи, ожидание на душе тянулось как клей со вкусом горелой кукурузы и кислой сахарной ваты. Может, просто на неё так действовали больницы.

«Это же похоже на то, когда мама уставшая приходила домой и падала на диван без сил? — задавала себе вопросы Мари. — Она просто крепко спит, ей нужно немножко отдыха, а когда она проснётся, то пойдёт вместе со мной готовить кексы. А парочку я стащу для Джозефа и Лемии».

Ноги сами несли её по крутым ступенькам на четвёртых этаж. Больница в утро была оживлённая, но пахла застывшей смертью — будто это было лишь временное пристанище, где моют, опорожняют и готовят к отправлению в лучший мир. От запаха спирта и хлорки Мари чуть не стошнило.

Ей выдали халат и тапочки — банальные вещи для посещения, призванные сохранить стерильность. Только вот тапочки были порваны, а от халата несло скисшими тряпками. Она вошла в палату, сцепив кулаки до боли, лишь бы не царапать ногу ногтями, и увидела мать. Её лицо было бледнее стен и холоднее мрамора. Губы Мари кривились и дрожали, а слёзы были готовы вот-вот сорваться.

Так и не сумев до конца побороть эмоции, она села на стул возле кровати. Положила ладонь поверх руки мамы и почувствовала обжигающий холод, словно тело уже остыло и не функционировало.

— Мне просто нужно с тобой поговорить, мам, — про-

говорила Мари едва слышно, убедившись, что в палате они одни. — Я не знаю, что мне делать без тебя. Дом стал таким пустым и чужим. Доктор говорит, что мне нужно найти отца, но ты бы навряд ли разрешила навестить к нему. А тётё Аделии я буду только мешать. Она никогда меня не любила. Что мне делать? Как поступить, мам?

Мари посмотрела на лицо, на которое прежде было больно смотреть, и нашла на нём новые морщинки. Как бы она хотела бы заснуть таким же сном и видеть сны вместе с ней. Проведя рукой по длинным русым волосам матери, Мари отметила преждевременную седину, уходящую под одеяло. Скользнув по волосам вниз Мари с ужасом обнаружила на подушке светло-лиловые волосы, обломившиеся, будто от холода. Подхватив их, она почувствовала жжение на ладони, словно держала в руках стекловату.

«Я всегда считал твою мать пауком или змеей, — в шутку говорил Томас Левек очень давно, когда заплетал косички маленькой Мари. — Ещё до твоего рождения я лично наблюдал, как волосы твоей матери за один месяц сменились с русого на лиловый, и она сбросила их, как старую чешую. После этого я боюсь, как бы она мне голову не откусила».

Почему в памяти всплыла именно эта фраза? Мама что, действительно... обновляется? Как это вообще объяснить?

Всё, что Мари считала необъяснимым, она за несколько месяцев существования клуба, привыкла рассказывать Джозефу и Леми. Один вечно видел в этом что-то мистическое и

считал, что старые легенды имеют свойство оживать, если о них долго не вспоминают. Другой, взывал к рациональному мышлению и призывал думать критически, говоря, что любое неизвестное явление, давно объяснила наука. На каждом собрании они освещали одну из забытых легенд Сан-Мартинью-ду-Абрансу и пытались найти ей научное объяснение. Последнее, правда, часто не удавалось.

Эту прядь волос она сложила в платок. Сейчас нужно будет найти мальчиков и показать им. Убрав свёрток в карман джинсового сарафана (который, вопреки возмущению доктора Пачеку, был плотным и доходил до щиколоток), она вышла. Напоследок посмотрев на маму взглядом полным наивной надежды, что та вот-вот проснётся.

Пока позволяло время, Мари предприняла попытку сходить в школу на последние уроки. Она замерла, стоило ей подойти к воротам, и стояла минут двадцать, так и не сумев перешагнуть незримую границу. Она думала, что стыд ей чужд. Но мысли о том, как воспринимали одноклассники её прогулы и опоздания, с каждым разом наслаивались, тянули кандалами и сейчас весили по меньшей мере центнер.

В какой-то момент ноги сами понесли её прочь и разрешили взять передышку лишь на бульваре Пасо. Сидя на лавочке, Мари наблюдала, как мимо неё происходил город. Мысли были пустыми и бесполезными. Они не помогали, не решали проблемы и не навязывали дальнейший путь. Каждую можно было выкинуть. Глубоко в груди теплилась надежда,

что кто-то из мальчиков придёт и спасёт её от нестерпимой тяжести этого плена.

Она сидела и думала: *«Куда после школы могли пойти мальчики? Станут ли она искать меня и где будут в первую очередь? Наверняка, они придут ко мне домой, что логично. Я бы на месте Лемми так и поступила. Но до дома почти час пути. Если пойду, то мы можем разминуться. Ближе всего парк, буквально в километре. А там...»* Озарение, будто булавкой, прошило голову.

— Точно! Наш штаб! — воскликнула Мари и поймала на себе удивлённые взгляды прохожих. Она виновато улыбнулась, продолжая рассуждать вслух. Видимо, это помогало. — Джозеф же планировал доделывать его в выходные. Не будь он собой, я бы точно не пошла в домик, зная, что он разобраный. Но это Джозеф. И он использовал бы предыдущие два дня с максимальной эффективностью.

Мари уже быстрым шагом пересекала бульвар Пасо и входила на территорию парка. Солнце к тому времени мягко перекатывалась через самую высшую точку голубой простыни. Как и обещали по радио, температура стала более гостеприимной для жителей Абрансу. Даже ветер застыл величественным каменным изваянием над бесконечным дубовым лесом. Поднявшись по петляющему прогулочному серпантину, она вышла на детскую площадку, пересекла её, обогнула площадь и свернула на узкую аллею, которая заканчивалась там, где начинался лес. Тягуче густой и непроглядно

глубокий, от которого тянуло бархатом прелой почвы и липкой сладостью молодых листьев.

Она полной грудью вдохнула, прогоняя остаток болезненных мыслей. Куда теперь? Где в столь большом лесу искать ту самую иголку в виде домика на дереве? Тут сотни тысяч деревьев! Если Мари правильно помнила, то место оставалось абстрактным и существовало лишь в голове Джозефа. И, вероятнее всего, он его надёжно скрыл от посторонних глаз.

Джозеф, вопреки своему утреннему заявлению не стал искать Мари. В лабиринте белых улочек, в этом городе-лестнице, растянувшимся на десятки километров, проще было найти аромат роз посреди протухшего порта, чем кого-либо. Вместо этого он направился напрямик туда, куда, как он чувствовал, она могла прийти — к их будущему убежищу. Даже если бы этого не случилось, он ждал бы её в парке. Но эти длинные рыжие волосы он заметил ещё в начале аллеи.

Мари, услышав тарахтящий и стучащий звук приближающегося скутера, обернулась — и улыбка на её округлом лице засияла ярче прожекторов.

— Что это? — спросила она, увидев на пассажирском сиденье несколько перемотанных скотчем стёкол.

— Это наш террариум, — Джозеф подхватил хлипкую конструкцию, тут же отправляясь в лес. — Просто в разобранном состоянии. В собранном он стоит почти двадцатку, а я добыл его для нас всего за два эскудо. Остальное даст

природа.

Мари рассмеялась и двинулась следом, пытаясь разглядеть тропу, которая Джозефу казалась прямой, как дорога от школы домой. Двигаясь по майскому лесу, такому густому и пьянящему, наполненному ароматом хвои и терпкой свежести, она старалась подмечать необычные коряги, поломанные и выкорчеванные деревья и странные муравейники на их пути. Что-то подсказывал и сам Джозеф.

— За валуном, покрытым мхом, поворачиваешь направо, — уверенно вёл он Мари, сквозь колючие заросли папоротника. — Через сто метров нужно пройти между старым ясенем и дубом. Различаешь деревья?

Мари отрицательно покачала головой, уклонившись от едва заметной дрогнувшей паутины.

— Вот, кстати, и они.

— Их легко будет запомнить, — прокомментировала она, отметив для себя огромную ветвистость дуба и переломленный кверху ясень, из трещины которого сочилась тёмная, почти чёрная смола.

— Дальше не сворачиваешь никуда, пока не упрёшься в ещё один дуб, полностью замшелый и, вероятнее всего, самый древний в лесу. Мне кажется, ему осталось несколько лет и лес поглотит его. А за дубом будет находится наша треуголка со штабом.

Они прошли за дубом и Мари стала крутить головой, не наблюдая ничего. Тени между деревьями сгустились, стано-

вась непроглядными чернилами. Нет, Джозеф не стал бы с таким шутить. А потом её глаза распахнулись, а брови взлетели выше своих орбит, когда Джозеф рукой указал на место метрах в семи от земли, полностью сокрытое в листве стоящих рядом клёнов, вязов и широколистных каштанов. Домик был почти невидим — лишь смутный контур платформы и угол крыши угадывались в зелёном полумраке.

— Это удивительно! — воскликнула она, прижимая руки к груди. Где-то высоко в кронах прокричала сойка, и звук прокатился эхом по лесу.

— Ну-у, — отвёл взгляд Джозеф, поправляя рюкзак. — Я думаю есть ещё к чему стремиться. К следующим выходным я его полностью доделаю и тогда это будет мечта, а не дом. Лестница с другой стороны ствола. Я полезу первым и сброшу тебе верёвку, а ты подвяжешь стёкла.

Пока Джозеф распаковывал стёкла, доставал из рюкзака клей-герметик, Мари поднялась и заморожено встала, оцепенев от вида из окна. Для большего охвата порта и склонов Абрансу Джозеф не поленился убрать мешающие просмотру ветки. Теперь вид был не просто дерзким, а откровенным или даже наглым, словно щёлочка в душевой. Из него можно было наблюдать бесчисленные теснящиеся домики старого района, широкую одинокую больницу, администрацию на площади ду Мотри, и север порта с береговой линией, утыканной рыбацкими домиками. А над всем этим, на горизонте, море сливалось с небом в единую ослепительную полосу.

Прямо перед панорамным окном, начинающимся с высоты тридцати сантиметров и доходя почти до самого ската крыши, лежал круглый, чуть выцветший ковёр. Мари простояла на нём несколько, как ей казалось, быстрых мгновений, а когда повернулась рассказать Джозефу о своей находке, то застала его заканчивающим сбор террариума.

— Вы даже ковёр сюда принесли? — улыбнулась она, поёжившись от своего голоса, прозвучавшего непристойно громко для этой тихой обители.

— Скоро Лемист придёт, — проигнорировал её вопрос Джозеф, сосредоточенно удерживая края стеклянной конструкции. По его щеке скатилась капля пота. — Он сильно беспокоился о тебе эти несколько дней. А учитывая последние события... все мы волновались.

«Он же не мог знать про маму и то, что её подкосила неизвестная летаргия после вечернего урагана», — подумала Мари.

— О каких событиях ты говоришь? — спросила она, сделав шаг к Джозефу и присев на одной из плотно набитых подушек. От подушки пахло старостью.

Табуреток в домике не было. Зато подушек — хоть отбавляй, разных размеров, плотности и расцветки. Был и невменяемого размера круглый низкий стол, заполняющий четверть пространства, тщательно отшлифованный и бережно покрытый лаком. У дальней стены напротив окна было нечто, отдалённо напоминающее диван — два куса пороло-

на на полу, накрытые пёстрым покрывалом и простенький дощатый шкаф. *«Они даже шкаф сюда затащили»*, — не переставала удивляться Мари. И в нём уже были первые книги: геометрия восьмого класса, потрёпанная большая энциклопедия болезней и «Двадцать тысяч льё под водой». Самое необычное сочетание, пахнущее скукой, пылью и приключениями.

Джозеф отвлёкся от террариума — тот, по всей видимости, был готов — и провёл ладонями по лицу, убирая выующиеся волосы назад. В его карих глазах застыла непривычная серьёзность.

— Я начну с самого начала. Жук уже слышал эту историю, поэтому пока без него.

И он начал с самого начала. А Мари не перебивала. Лишь периодически вздрагивала — на моменте с падением под скутер, на описании странного незнакомца. И даже ахнула, когда речь зашла про волосы и Ану Софию. В домике становилось душно, хотя сквозь щели в стенах тянул лёгкий ветерок, приносящий запах нагретых сосен. Затем она, медленно, словно совершая что-то запретное, достала свёрток из кармана. Джозеф замотал головой, буквально зная, что в нём. Он чувствовал это глухим, тревожным стуком под рёбрами.

— Знаешь, где я была все эти дни? — её голос дрогнул. — Я была у мамы. В больнице.

Мари развернула свёрток. На ладони лежала прядь сереб-

ристых волос, точнее того, что от них осталось, — они раскрошились до состояния той самой пылицы. Джозеф с ужасом округлил глаза. Тень угрозы плотным коконом облепила их, навсегда сковав прежнюю беззаботность. Угроза перестала быть абстрактной.

— Эти волосы — мамины, — тихо заключила Мари, и её голос прозвучал плоско, будто выгорел дотла. — Врачи лишь разводят руками. Говорят, истинная летаргия. Я видела её... цветом она напоминает перламутр.

Джозеф не знал, что сказать. Слова застыли комом в горле. Сейчас всё было по-настоящему. Если Леми до сих пор не верил ему, то Мари он обязательно поверит. Не могли же они вместе сойти с ума. Джозеф так же не знал, что делать. Руки безвольно повисли вдоль тела. Неизвестная болезнь коснулась миссис Левек. И его сестры. Пора было бы начать расследование, выяснить, что к чему, разоблачив очередную легенду. Но цепкий, непроглядный страх поднимался от пяток к макушке, сковывая саму волю.

«Марледж» был бравадой. Они ни разу не натыкались на настоящие тайны, цена которым — жизни. Они собирались, чтобы поддерживать друг друга, рисовать и изучать жуков. Если бы сейчас кто-то из его друзей предложил переименоваться в вариант с жуколовами, Джозеф согласился бы, не раздумывая.

Мари свернула платок и подняла на него глаза. Она изо всех сил попыталась улыбнуться. Улыбка вышла вымучен-

ной, а губы дрожали, готовые сорваться в истерику.

— Получается, у нас первое дело? — проговорила она прерывисто, не переставая улыбаться. Из её глаз ручьём полились слёзы. — Мне так страшно, Джозеф.

Мари плакала редко. Стоически выдерживала напасти судьбы, которых было слишком много на слишком маленькую её. За годы без отца она научилась быть жёсткой и решительной. И сейчас, в объятиях Джозефа, она жёстко и решительно ревела: в этот миг плотина, сдерживающая её чувства, с гулким треском обрушилась.

Джозеф жмурился, вслушиваясь в настойчивый шелест листвы снаружи.

«Жук, ты нам нужен. Прямо сейчас. Ты нужен Мари».

Леми появился тихо и внезапно, словно услышав немую мольбу. Его худая фигура застыла в проёме двери. Первое, что он увидел, — Джозефа и Мари, сидящих вплотную в объятиях друг друга. Волна слепой, иррациональной злости накатила и оглушила его. Леми отбросил эту вспышку прочь и холодным, критичным взглядом оценил ситуацию. Это было не то, о чём он подумал. А о чём он вообще подумал? *«Они тут обжимаются, пока меня нет?»* В следующее мгновение пришло осознание: Мари плакала. Настоящими, тяжёлыми слезами.

— Мари, он снова обещал тебя убить за то, что ты узнала правду про волшебную пыльцу? — отшутился Леми, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Шутка утонула в затихающих всхлипах. Джозеф осторожно выпустил Мари из объятий.

— Мы ждали тебя, Жук. Нам нужно решить, что делать дальше.

Влажные сумерки медленно накрывали их убежище и лес. Деревья покачивались, встревоженные поднявшимся ветром, и хлёсткие удары веток били в стены домика. Мари, успокоившись, ещё раз показала свёрток и рассказала Леми о состоянии матери.

— Джозеф рассказал о трёх женщинах из бутика, которых забрали в больницу, — начал Леми, поглаживая едва заметные усики над губой. — Добавляем твою маму. Итого — четыре женщины в возрасте до сорока. Но вот что интересно. Моя мама дежурила в тот день. Она сказала, что за сутки поступили лишь две женщины. Одна — миссис Левек, как я понял уже после рассказа Мари. Другая... женщина преклонных лет, настолько старая, что её чуть не отправили прямиком в морг. У всех был один и тот же диагноз — левтаргия.

— Получается... те три женщины? — подскочил Джозеф, не успев принять горизонтальное положение на диване.

— Именно, — подтвердил Леми, будто прочитав его мысли. — Их не привозили. Их просто... нет.

— Но я же видел, как их забирали!

— Видел. Только ты не видел кареты скорой помощи. И ты не уверен, что это вообще были санитары.

— Это, скорее всего, были спасатели, дежурившие в порту.

Мари всё это время молчала, лишь вскользь слушая размышления мальчиков. Они обсуждали возможные ниточки, перебивали друг друга, сжимали в кулаках бессилие от того, что время, как пыльца, утекает сквозь пальцы. В груди у неё разливалось странное, терпкое тепло — от осознания, что от неё и её беды не отвернулись. Наконец, она не одна. И тут в памяти вновь, словно застрявшее стекло, всплыли слова отца о том, как мама *сменила* волосы. Это же тоже... ниточка?

— Ребят, мне нужно найти своего отца, — выпалила она, сама не зная, у кого одолжила уверенность. — Он может что-то знать. Он что-то говорил... о волосах.

Джозеф восторженно вскрикнул. В его голове щёлкнул переключатель, будто вставили наконец недостающую шестерёнку. Механизм закрутился в нужном русле.

— Отлично! Значит решено, мы делимся, — заключил он, и в его голосе вновь зазвучали знакомые Леми и Мари нотки лидера-заводилов. — У нас мало времени. Моя зацепка — события 1948 года. Пожар у церкви и... смерть мамы.

Он на мгновение замолчал, почувствовав, как в горле снова застревает ком. Помощи от отца он просить не будет. В этот раз он должен сделать всё сам.

— Я спущусь в порт, начну оттуда. Попробую найти тех докеров.

На Леми он посмотрел вопросительно. Тот кивнул, уже

понимая.

— Книги, архивы, газеты, — сказал Леми, и в его голосе прозвучала твёрдая, почти профессиональная решимость. — Я проверю всё, что есть в библиотеке и в отцовском кабинете. Любые упоминания о вспышках необычной летаргии, о подобных катастрофах, связанных со смертями женщин. Ну и конечно же обращусь к энтомологии, касаясь этих мотыльков.

В домике повисла тишина, нарушаемая лишь настойчивым шёпотом леса за стенами. План был шатким, как мостки в порту во время шторма, но это был *их* план.

Стоило им начать собираться, как снаружи, совсем близко, раздался резкий, сухой щелчок — будто лопнула большая сухая ветка. Но падения не последовало. Трое друзей замерли, уставившись в окно.

В закатных лучах солнца, из стелившегося по подножью леса полумрака, донёсся тихий, едва уловимый шелест. Невесомое скольжение, похожее на трение тончайшей бумаги. И на мгновение всем троим показалось, что в этом свете проплыла тень от огромных, прозрачных крыльев.

Глава 6 А.Н.

6 февраля 1955 года

Проржавевший и прогнивший порт в понедельник был, как всегда, переполнен. Крики чаек сливались с грохотом портовых рабочих, загружавших торговые суда. Глухо стучали борта лодок о сваи и потемневшие деревянные настилы, слабые волны с упорством разбивались о причал. Рядом, в здании пассажирского вокзала, царила своя какофония — гул сотен голосов, свистки портовых зрителей, рёв сирен отбывающих паромов. Это были главные морские ворота города — шумные, пропахшие солью и угольным дымом. Крики прибывающих и, в основном, отбывающих из захолустного Абрансу людей, было невозможно перебить ничем. Казалось, сам воздух здесь вибрировал от постоянного, усталого движения.

Высокий, стройный мужчина вышел на палубу пассажирского парома «Боа Эшперанса» и глубоко вдохнул. Можно ли назвать привычным этот густой коктейль из запахов? Гнилостная тина на рыбацких сетях, вонь свежей и тухлой рыбы, и поверх всего — едкий, отвратный шлейф дешёвых духов и пота, витавший над толпой у сходней. Но вопреки всему его тонкие губы скривились в изящной, широкой улыбке. Он завел длинные, тёмные, с проседью волосы назад и накинул широкополую шляпу, чернотой своей поглощав-

шую свет. Порыв ветра на секунду отогнал полы плаща, обнажив неровный шрам на левой кисти, уходящий под рубашку, — будто след от старого ожога, стянутый, как пергамент. С досадой отметил, что одет не по погоде: холод с примесью сырости пронизал его тонкий твидовый костюм и шелковую подкладку плаща.

На причале он не сразу заметил встречавшего. В письме было сказано, что искать следует человека в поношенном и выгоревшем сером костюме, с повязкой на лице, закрывавшей один глаз. Когда он наконец выцепил этот образ из толпы, мысленно добавил детали: невысокий, сухопарый, с осанкой бывшего солдата или моряка, и седой — будто помнил Абрансу ещё в его светлые, довоенные годы. Мужчина жестом, точным и властным, подозвал седого. Тот встрепнулся и быстро засеменил к сходням, всем видом показывая, что понял: перед ним именно тот, кого велено встретить.

— Сеньор Наталис Алвиш? — просипел старик, учтиво склонив голову. Голос его был хриплым, испорченный годами и зависимостью от табака, — Добро пожаловать. Меня зовут Дамьен Сивер. Я сторож и домоправитель Паласио-ду-Монте. И с этого момента — к вашим услугам.

Наталис Алвиш на секунду свёл брови, а затем его лицо смягчилось, вновь распахнувшись той же добродушной улыбкой.

— Доброго утра, Дамьен, — ответил он голосом мягким, бархатным, с едва уловимым трансатлантическим акцентом.

— Буду очень признателен, если ты примешь мои сумки. Они в багажном отсеке.

Несколько тяжелых кожаных чемоданов не сломали ровную, почти вымученную осанку седого старика. Он юрко скользнул мимо высокого мужчины, бросив на него беглый, но цепкий взгляд своего единственного глаза: неестественно бледная кожа, строгие, будто высеченные черты лица, длинный, чуть вытянутый подбородок. Алвиш же, ровно как и несколько минут назад, созерцал порт — не с любопытством приезжего, а с вниманием человека, вглядывающегося в черты старого друга, которого уже с трудом узнаёт спустя много лет.

— Сеньор Алвиш, прошу за мной, — склонил голову Дамьен, вытянув руку в сторону здания вокзала.

Наталис запахнул тонкий шерстяной плащ поверх костюма, который, казалось, никогда не знал морщин и пыли, и сошёл по дрожащим сходням на причал. Походка его была лёгкой, почти бесшумной. Он двигался за стариком, щурясь и скользя взглядом по лицам в порту — рыбакам, торговкам, матросам и их семьям, — словно выискивал в них незначительные, но важные детали. Кроме усталости, обречённости и апатии он не видел ничего. Будто на этом вокзале встречали не живых людей, а собственную, давно ожидаемую гибель.

Они протиснулись через толпу и вышли к округлому, новенькому «Доджу», который неестественно ярким пятном

сиял на фоне грязного городского камня.

Пока они ехали через проспект и дальше по серпантину, ведущему от порта вверх, Алвиш молчал, уставившись в окно. В его тёмных глазах отражались серые облака и редкие проблески солнца, которое посещало этот город, быть может, пару раз за весь февраль. Он смотрел на людей с каким-то отстранённым, почти клиническим отчаянием, сам не зная, что ищет в этих замкнутых, понурых фигурах.

Первой остановкой была нотариальная контора Синесторио. Наталис Алвиш достал из жилетного кармана круглые золотые часы на цепочке и сверил время. Ровно одиннадцать утра. Контора уже должна быть открыта.

— Дамьен, подожди меня в машине, — сказал он, потянувшись к шляпе, покоившейся на соседнем сиденье. Его пальцы на миг замерли, когда в тусклом свете салона он нащупал что-то шелковистое. С ужасом, мгновенно растворённым в ледяном спокойствии, он отметил, что в подкладке шляпы лежала прядь длинных волос. Его волос.

«Слишком рано, — возникла мысль. — Я же всё просчитал, у меня есть время».

Не подавая вида, он поспешил натянуть шляпу обратно.

— Я схожу к сеньору Синесторио, чтобы уладить последние формальности касательно покупки этого произведения антикварного искусства.

С возрастом организм Дамьена слабел, и как бы он ни сопротивлялся, солнце, греющее салон сквозь лобовое стекло,

убаюкивало его и вгоняло в дрёму. Старики зачастую без видимой причины засыпают в любом, даже самом неподходящем месте. Это было позволительно в годы, когда особняком никто не владел, когда в сторожку заходила лишь его покойная жена, приносившая обед. Теперь он стал кем-то большим, чем сторож, и такой дневной сон казался ему непростительным провалом.

Наталис Алвиш коротко постучал костяшками пальцев в стекло водительской двери, когда вышел из конторы. Затем обошёл машину и уселся на заднее сиденье. Дамьен подпрыгнул и не сразу сообразил, что происходит. Его частые извинения походили на скорую мольбу о прощении. На город к этому моменту уже спустились густые, почти физически ощутимые сумерки, втягивавшие в себя краски. Вопреки всему, Наталис Алвиш не выказал ни капли недовольства.

— Ох, прошу меня извинить, Дамьен, — начал Алвиш, стягивая шляпу и проводя пальцами по крохотной проталине в волосах. — У сеньора Синесторио контора является его же домом, а там... Ты бы только видел. У этого славного господина полная коллекция европейского оружия времён Великой войны. Мы разговорились, и я совсем потерял счёт времени.

Его идеально откалиброванный голос лился так же мягко и размеренно, как сон Дамьена, но в нём не было ни искреннего сожаления, ни тепла.

— Ничего, сеньор Алвиш, — прохрипел Дамьен, судо-

рожно потирая глаза, будто пытаюсь стереть с них позор. — Я тоже прошу прощения за столь халатное поведение. Вы уладили все вопросы? Можем ехать?

— Да, напрямиком в особняк. Мне не терпится его наконец увидеть, — ответил Алвиш, и в его глазах, поймавших отблеск далёкого фонаря, мелькнуло не терпеливое ожидание, а холодный интерес охотника, приближающегося к логову.

По улице Ревэро они ехали в почти полной тьме. Дорогу освещали лишь редкие, чахлые фонари, а особняк Паласио-ду-Монте тонул в тупиковом переулке, освещённом и вовсе единственным моргающим фонарём. Но даже в этом мраке, под звёздным, ясным небом и восходящей луной, силуэт готического строения внушал первобытный трепет.

Наталис вышел из машины, сделал несколько шагов к кованому забору. И замер. В глаза ему бросился мерцающий, тёплый свет из окна на втором этаже. Просвистел ветер с холма, потревожив скрипучие петли ворот; те взвизгнули в ответ, жалостливо покачнувшись. Алвиш сильнее укутался в плащ и повернулся к Дамьену, копошившемуся с сумками.

— В доме, выходит, кто-то есть, Дамьен?

Тот мгновенно высунул голову из багажника и уставился на Алвиша единственным глазом, в котором отразилось самое искреннее изумление.

— Нет, сеньор. Не должно быть никого. Ни души.

— А откуда тогда свет? — спросил Алвиш тихо, пронося в этой тишине больше угрозы, чем в любом крике.

Дамьен скрипнул зубами, ноздри его раздулись. В пустой руке он уже сжимал фантомную розгу. Эти дети. Они досаждали ему годами. Что он только не делал, чтобы выгнать их из беседки! А теперь они и вовсе осмелились зайти в дом, словно он принадлежал им. А их только и забавляло, когда старый сторож, будто срываясь с цепи, нёсся на них с метлой и отборным матом.

— Чёртовы сопляки, — прошипел он, сделав тон неестественно звериным. — Уж теперь-то они никуда от меня не денутся! Я им сейчас покажу, где раков у нас в порту варят.

Он собрался было ринуться в особняк, чтобы прервать это незаконное вторжение, но Наталис Алвиш жестом остановил его. Жест был неспешным, и не допускающим возражений.

— Что ж ты так с детьми, Дамьен, — широко улыбнулся Наталис, вытягивая слова, словно мёд. В багровом свете задних фар его добродушная улыбка казалась откровенно хищной, а зубы — острыми и неестественно белыми. — Они же гости. Неприлично так встречать гостей. Пойду, представлюсь им.

Леми

— Говорю же, я видел его недавно, — заговорщически прошептал Джозеф, раскинувшись на широком ковре. — Ни капли не изменился, только седины добавил. Всё так же высматривает что-то своим единственным глазом. Наверняка, ему поставили новый протез — со световым лучом, который

испепеляет на месте.

Камин, загоравшийся всякий раз к их приходу, уже не пугал, лишь бросал на стены колышущиеся, словно живые, тени. И всего за пару месяцев стал родным.

— Если бы такие протезы существовали, их давно бы ставили всем полицейским в Лиссабоне, а не одному старому сторожу, — парировал Леми, не отрываясь от томака Фабра. Усмешка дрогнула на его губах.

— А как ты тогда объяснишь эти новые статуи в зимнем саду? Раньше их тут не было! — не унимался Джозеф, вскакивая на колени. — Наверняка, это его бывшие гости, которых он превратил в камень за непочтительность! Потому что второй глаз у него превращает в камень, как змеи на голове горгоны.

— Это, к твоему сведению, копии «Умирающего галла» и «Дискобола». Ты что, в музее никогда не был? — Леми наконец отложил книгу и фыркнул. — Так ты и есть, неуч.

— А ты — уч, — передразнил его Джозеф. — И вообще, у тебя дурацкие усики. Они тебе мужественности не прибавляют, избавься уже от них.

Леми это задело, но злиться он не стал. Джозеф же не знал, зачем он оставляет их. Камин потрескивал, разбрасывая огненные лепестки. Они не только грели пятки, но и создавали хрупкий щит от тревог, накопившихся за первый месяц года. У Джозефа, что странно, их почти не осталось. Они с отцом нашли зыбкое, молчаливое перемирие в общей люб-

ви к Ане Софии и теперь наперегонки задаривали её самодельными игрушками. Джозеф, хоть и старался изо всех сил, закономерно проигрывал. Зато мастерство его оттачивалось в этих странных, рубленых диалогах с Марком Фостером.

У Леми же тревог было хоть отбавляй. Он вполне мог бы перекинуть парочку Джозефу, но легче бы не стало. Зато одну, самую тяжёлую, он сегодня мог оставить здесь, в этом кольце света. Иначе зачем им клуб? Тем более, когда они сидели старым, мальчишеским составом.

— Мари их... похвалила, — пробубнил под нос Леми, отвернувшись к стене, где плясали оранжевые блики. — Сказала, что они мне идут.

Джозеф в ту же секунду подскочил и повис над ним, тень его — огромная и жадная до подробностей — запрыгала по потолку.

— Что-что?! А ты, значит, решил, что это проявление симпатии и записался к ней в ухажёры? — слюна буквально брызгала у него от нетерпения. Кто, как не он, великий сердцеед с нулём побед на личном фронте, мог дать другу бесценный совет? — Смотри, она у нас — красавица. В своём классе ей, наверное, не дают продохнуть от внимания.

— Ты же знаешь, что это не так, — с грустью отметил Леми. Голос его стал тише. — Ей не тягаться с Моникой и Инеш. Мы все это прекрасно понимаем.

— Ты не уходи от ответа, — прошипел Джозеф, уже почти нависая над другом. Он и сам не замечал за собой этой

странной тяги к сплетням — или, вернее, к чужим сердечным тайнам, таким недоступным и загадочным. — Раскрой! Говори всё, как на духу!

Джозеф отпрянул и сел в позе лотоса рядом. Леми продолжал сверлить взглядом потолок.

— Я не уверен, — начал он робко и прерывисто. Откровение давалось ему так же тяжело, как кросс на школьном стадионе. Ладони уже успели вспотеть, а сердце отчёркивало неровную аритмию. — Я так и не понял до конца, как и когда это произошло, да и в справочниках об этом ничего не пишут. Но у меня... тяжёлая форма болезни. Я влюбился. В Мари. Она... стала ангелом для меня. Я впервые встретил кого-то, кто был красивее заката. А её манера рассказывать истории...

Леми поднял взгляд на друга. Он пытался найти в его глазах поддержку и ответ на немой вопрос: *«Как мне быть?»* В ответ Джозеф лишь пожал плечами.

— Теперь мне стало понятно твоё поведение. И чего ты хочешь? Лучше бы ты ей это говорил, а не мне, Жук. Таими же сладкими речами и оборотами. Или хочешь, чтобы я рассказал?

— Это же тайна, — запротестовал Леми. — И по правилу клуба ты должен унести её в могилу.

— Значит это будет первая тайна, которая станет явью, — выпалил Джозеф, хитро оскалившись.

Леми хотел возразить, толкнув друга в грудь — пусть по-

валяется. Он поднялся, но вместо того чтобы толкнуть Джозефа, отскочил в ту же секунду. Джозеф резко повернулся и ахнул; весь воздух замер у него в груди.

В дверях высился крупный мужчина в шерстяном пальто и широкополой шляпе. Пламя камина выхватывало из темноты проёма его бледное немое лицо и острый, высеченный из сланца, подбородок. Он неестественно широко улыбался. И эта улыбка излучала не радушие, а холодную, выверенную учтивость, за которой скрывалось нечто непроглядное.

В этот момент у друзей возникла одна и та же мысль: *«Как он вошёл?»* Ведь они каждый раз подпирали дверь тяжёлой арматурой, защищаясь именно от таких проникновений.

Мужчина сухо откашлялся.

— Прошу прощения, я вас не потревожил? Позвольте присесть?

Джозеф и Леми молчали, не в силах вымолвить ни слова. Джозеф уже мысленно прикидывал траектории побега, на секунду забыв, что он не один. Друг явно не обладал той же манёвренностью, и оставлять его было бы безрассудно. В мыслях Джозеф уже проклинал тот сырой вечер, когда они впервые пробрались сюда. Рано или поздно это должно было случиться. Но он не думал, что именно так.

Тишину разрезал гулкий скрип половиц, отзывавшийся на шаги незнакомца — словно старые доски приветствовали хозяина. Даже огонь в камине, казалось, потянулся к нему дрожащими щупальцами. Тот прошёл уверенно, будто уже

тысячу раз бывал в этой комнате, и сел в кресло слева от очага, сдёрнув покрывающую его ткань.

— Вам самим удалось разжечь камин? — он посмотрел на них с молчаливым уважением, точно их действия приравнивались к подвигу. — Мне говорили, он капризен. Как вам в целом дом? Он великолепен, правда ведь? Я положил на него глаз ещё несколько лет назад, но мне отказывали всякий раз... по неизвестным причинам. И вот, спустя...

— Сеньор, — прервал его монолог Джозеф, выравнивая тон и собрав в кулак остатки мужества. — Мы ничего не трогали. Если проводили тут вечера, то только по незнанию. Нам казалось, особняк заброшен. Если вы позволите, мы тут же удалимся. Пообещаем, что впредь никогда не вернёмся и не потревожим вас.

Незнакомец низко, беззвучно рассмеялся, не отрывая от них тяжёлого, пристального взгляда. Пальцы на левой руке, зажившие неестественно гладко, медленно постукивали по ручке кресла. Его взгляд казался осязаемым — он словно пригвоздил их к полу.

— Да что вы. Я, напротив, всегда рад незванным гостям. Но вас, разве, не должно быть трое? Дамьен говорил, что с недавнего времени сюда навещаются трое детей — два парня и девушка. Где же она?

Он вытянул последние слова чудовищно низко, и всё тело Леми пронзили тысячи мурашек. Этот голос достиг самого сердца и поселил в нём ледяную тревогу за Мари, хотя он

и знал, что она в безопасности. В прямой опасности были только они двое. И нужно было что-то придумывать. Но холодный, быстрый ум Леми отказывался работать при одном виде этой хищной ухмылки.

— Сеньор... —

— Алвиш, — склонил голову он, перебивая Леми. Голос его слышался почти ласково. — Наталис Алвиш. Торговец антиквариатом и новый обладатель сего великолепного имени. И... ваш друг.

«А.Н.» — пронеслось в голове Джозефа, и он ещё раз скользнул взглядом по инициалам на ковре и камине. — «Это не может быть совпадением».

— Сеньор Алвиш, время уже позднее, — продолжил Леми, сглотнув ком в горле. — Она уже ушла, и мы тоже задержались. Наверное, нам стоит поспешить, пока наши родители не подняли полицию или, того хуже, — жандармерию на уши. Сами знаете, родители они такие.

В этот момент Джозеф уже судорожно складывал книги Леми в рюкзак. Незнакомец всё время молчал и не сводил с них острого, изучающего взгляда. Стоило им сделать первые робкие шаги к выходу, как он жестом — таким же неспешным, как в случае с Дамьеном — остановил их. Развернулся и посмотрел в окно, на кованые ворота.

— Советую выходить через сад. Сегодня нервы у Дамьена... не на высоте. И обязательно возвращайтесь с Мари. А я пока приведу этот образчик старины в приемлемый вид.

Обещаю успеть к вашему приходу, к примеру, в следующее воскресенье, к пяти. У меня к вам важный разговор. Договорились?

У Джозефа и Леми одновременно передёрнулись плечи — словно он смотрел не в окно, а прямоком в их души. *«Как он узнал её имя?»*

— Мы приложим все усилия, чтобы не опоздать, сеньор Алвиш, — быстро, почти машинально ответил Джозеф, толкая друга в тёмный коридор.

Послышались гулкие удары сапог по ступеням, затем шум и звонкие удары чего-то металлического с первого этажа, и в конце — сухая тишина.

Они понеслись, не разбирая дороги и спотыкаясь о корни, пока пики особняка не скрылись за несколькими поворотами. Только тогда Джозеф остановился, упираясь руками в колени, и его вырвало от сдержанного ужаса. Леми, бледный как полотно, стоял рядом и безостановочно повторял: — Он знал её имя. Как он мог знать её имя?

Наталис Алвиш ещё долго сидел в той же позе, устремив взгляд в окно на единственный источник света на улице — тёплый, мерцающий фонарь. В его свечении метались десятки мотыльков.

«Глупые создания. Всегда летите на свет и тепло, даже не подозревая, что это не спасение, а смерть. Как и всё в этом городе. Красивое, манящее, смертельное. И цикличное, как и они», — пронеслось у него в голове. Он снова широко

улыбнулся — будто уже победил в партии, которая даже не начиналась.

В комнату, с несвойственной ему скоростью, влетел Дамьен.

— Вы дали им уйти?!

— Успокойся, Дамьен. Сделай глубокий вдох, — следуя своему совету, Наталис тоже медленно вдохнул, не открывая глаз. — У мотыльков есть привычка возвращаться туда, где рассеивается тёплый свет. Что-то мне подсказывает, что мы с ними ещё увидимся. Неправда ли?

Он одним властным движением руки заставил умолкнуть ещё не начавшиеся возмущения Дамьена. Ему хотелось на миг заморозить эту симфонию огня и тишины, воцарившуюся в комнате. Перед его уходом, он добавил:

— Необходимое мне оборудование уже в пути. Завтра его доставят, а ты, Дамьен, проследишь, чтобы всё было бережно перенесено и сложено в подвальном помещении. Том, что напротив моего кабинета.

— Слушаюсь, сеньор, — ответил Дамьен и, казалось, даже физически сжался. Кивок его был резким, почти испуганным.

В этом "слушаюсь" звучала не покорность, а давно въевшийся, костный страх.

Глава 7 А-Маре

3 мая 1955 года

Мари

Следующее утро Мари и её друзей прошло в нетерпеливом ожидании конца занятий. Действовать нужно было немедленно — это понимали все трое, — но если они перестанут появляться в школе, то завалят экзамены, ещё до начала — их попросту не допустят. Или, того хуже, им грозит вылет из школы быстрее, чем чайка ныряет за макрелью.

Мари и Джозеф держали путь в одном направлении и, пожелав Леми удачи в изучении кип литературы, двинулись по улице Сан-Серио напрямик к проспекту Возвращения. Оттуда, пиная камни и лавируя между прохожими, можно было спуститься в крепкие объятия бухты.

— Ты хоть знаешь, где искать отца? — спросил Джозеф, когда они пересекали мостовую.

Нога почти не болела. Джозеф проверил её утром — повязку снял ещё вчера. Рана затянулась на удивление быстро, остался только розовый рубец, который чесался ночью. Он хромал всего пару дней, и теперь мог забыть об автобусах и ходить пешком сколько угодно. Его шаг вновь был стремительным, словно он был на марафоне, и Мари приходилось придерживать рюкзак, чтобы не отстать.

— Он не говорил, куда переехал, — выдохнула она, ста-

раясь не сбиться с ритма. — После того, как он ушёл, я совсем не разговаривала с ним. Уверенна только в двух вещах: он не пропустит работу, даже если его здоровье резко пойдёт под откос и то, что в те спокойные часы обеда он будет рыбачить в старой бухте.

— Вариантов не много, — отметил Джозеф, замедляя шаг и задумчиво покусывая костяшки пальцев. — У меня их вообще нет. Я даже не знаю, кем были те типы из бутика. Спасатели? Грузчики? Ремонтники? И ни одному чёрту не известно, где они обитают.

— Если не знаешь кого искать — иди в «А-Маре», — улыбнулась Мари.

Джозеф остановился, покосившись на подругу с удивлением и восхищением, смешанными в равных пропорциях. В ней словно поселилась новая, прежде незнакомая ему уверенность — тёплая и заразительная.

— Потому что неизвестно кого можно найти только там, где собираются вообще все, — закончила она. — Я права?

Худой нос Джозефа надулся, словно парус, подхваченный попутными ветрами. Он уже чувствовал запах таверны — сложный коктейль из табака, алкоголя, жареных сардин и запретной взрослой жизни. Место, откуда его, без месяца пятнадцатилетнего, вышвырнут в считанные секунды, даже не дав переступить порог. Но огонь предвкушения, вспыхнувший в непроглядных, как сама ночь зрачках Мари, стоил того, чтобы рискнуть.

Они вышли на широкий проспект и одновременно, словно сговорившись, бросили взгляд на прямую, как взлётная полоса дорогу, тонувшую в чёрной воде. Если смотреть на проспект Возвращения снизу, то он был похож на дорогу в небо, теряющуюся в бесконечном горизонте.

— Мари, — Джозеф дёрнул её за локоть. — Я, конечно, понимаю, что судьба моей сестры и твоей матери для нас сейчас самое главное. Но мой желудок только что объявил голодовку. Он наотрез отказывается вести меня куда-либо дальше, когда со всех сторон так и доносятся манящие запахи свежей выпечки и жареных сосисок.

Мари широко и звонко расхохоталась, что прохожие обернулись.

— Мой кажется, кивнул твоему, — сказала она, всё ещё улыбаясь. — Идём. Выберем вместе.

День портового грузчика не был наполнен возвышенным смыслом и никогда не измерялся сменами. Тоннами перемещенного угля, ящиками сардин и солёной трески, бочками портвейна и бесчисленными чашками чёрного, как смоль, кофе, но никогда не рабочими часами.

Если день выдавался особенно тяжким — то под вечер мерой становились и стопки выпитой мадеры. Креплёное вино, гордость их края, проходило через доки тоннами, отправляясь на континент, но в глотках докеров чаще оказывался грубый, обжигающий самогон или дешёвый портвейн. *Комис-*

сияза транспортировку элитного напитка существовала, конечно — две-три бутылки из партии могли *разбиться* при погрузке. Никто не ворошил бумаги из-за такого пустяка. Для мужиков с причала эти бутылки были не заработком, а редкой отдушиной, потому что в таверне «А-Маре» за рюмку настоящего выдержанного портвейна с них бы содрали полдневного заработка.

Томас Левек не изменял своим привычкам. В те драгоценные часы, когда солнце уходило высоко в небо, он свято верил, что клёв становится самым верным. На деле же это были единственные часы, когда он мог позволить себе рыбачить. За пару часов, махая спиннингом с полуразрушенного пирса, он мог выудить на уху килограмм жирной макрели или сардин, а если повезёт — даже морского карася или окуня.

Схватив свой проржавевший, но неубиваемый велосипед, он двинулся через погрузившийся в обеденный сон порт. Мимо замолкших кранов, пакгаузов, пустых и переполненных барж, покачивающихся на чёрной воде. Удивительно, но обед для портовых рабочих был, словно воскресная месса, и не прерывался даже самым сильным штормом.

Его путь лежал к южному склону, за пределы портовой суеты. Линия берега там меняла характер: узкая полоска песчаного пляжа, пропахшего гниющими водорослями, сменялась диким участком под нависающими скалами. Среди каменных арок и гротов, о которые с глухим стоном бились волны, расположилась тихая бухта, которую облюбова-

ли местные рыбаки. Там же стояли их покосившиеся деревянные хижины. Это место было свободно от крыш доков и стрел кранов, а горизонт здесь тянулся ровной, умиротворённой линией.

Стоило Томасу выйти на ржавый пирс, как он понял: рыбалка закончилась, не успев начаться.

Сначала ему показалось, что это мешок, запутавшийся в водорослях. Пятно то исчезало, то вновь возникало на чёрной глади воды. А когда волна откатила, отчётливо обнажив неестественно выгнутую руку и длинные, разметавшиеся по воде волосы, он осознал — это женщина.

Воткнув спиннинг между досками, он рванул к воде. Пробрался сквозь камни, борясь с усилившимися волнами, откидывавшими его назад. В голове билась единственная мысль: *«Она может быть ещё жива»*. Но стоило ему подойти ближе, как его мысль разбилась словно волна о скалы. Женщина была бледно-серой, обескровленной и сухой, как мумия.

Захлёбываясь солёной водой, он вытащил тело на берег. Рвотный ком в ту же секунду подкатил к горлу. Глубоко дыша, он подавил тошноту и осмотрел женщину. Самые страшные подозрения подтвердились: концы её волос были белыми, словно поседели отдельно от остальных, контрастирующих чёрных прядей. Однажды он видел такой цвет у Иары. Острое, ледяное узнавание кольнуло под рёбра.

Долгие месяцы работы в порту прошли впустую. Бессонные ночи, дополнительные смены. Он бросил жену и дочь —

всё ради того, чтобы выследить одного-единственного человека. И упустил его. Вся его жизнь в порту была лишь маскировкой, лишь способом быть начеку, когда тот, кого он ждал семнадцать лет, наконец объявится.

Он отшатнулся от тела, словно от удара током. А уже в следующую минуту крутил педали с такой силой, что удивительно как они вообще не отвалились. Спиннинг так и остался воткнут между досок пирса.

«Значит, он здесь. В городе. Иара в опасности. Мари в опасности».

Томас вылетел из зарослей на окраину старого порта. Велосипед, скрипя ржавыми суставами, взлетел вверх по мостовой, огибая порт по окружной улице. Он должен был добраться до дома. До их с Иарой дома. В этот раз он объяснит всё жене. Расскажет, в какой она опасности. Потому что его план с треском провалился.

На перекрёстке, где проспект Возвращения врезался в окружающую порт Руа Себастиан, он нос к носу столкнулся с Мари.

Рядом с ней стоял какой-то парень. Томас не поверил своим глазам — и удаче. Велосипед жалобно затрясся и с шипением остановился.

— Папа? — голос Мари дрогнул, в нём смешались изумление и недоверие к такому невозможному совпадению.

Он подошёл и крепко обнял её. От тёплых, сильных рук отца у Мари перехватило дыхание. Неужели она становится

плаксою в глазах всех дорогих ей мужчин? Джозеф, перехватив её взгляд, понимающе кивнул и, не сбавляя своего привычного темпа, нырнул в лабиринт ящиков, барж и доков.

— Кто это был? — оглянулся вокруг Томас, но след Джозефа уже успел раствориться в просыпающемся после дневного сна порту.

— Его зовут Джозеф. Он мой друг, — Мари отпрянула, посмотрев в морщинистое, перепачканное углём лицо отца.

— Честно говоря, я искала тебя. Нам нужно поговорить.

— Что-то с мамой?

Мари сглотнула ком и коротко кивнула, откидывая упавшую на лицо прядь.

— О ней я и хотела поговорить. Мама в больнице.

Они переместились в рабочий угол Томаса — громадный пакгауз с холодильными камерами, наполовину забитый углём, наполовину железом. Бочки и ящики служили здесь одновременно и грузом, и мебелью: столом, стульями, иногда — кроватью для ночной смены. Под далёкое гроыхание кранов и редкие крики грузчиков Мари рассказала отцу о том, что случилось с матерью.

Он не знал. И как минимум за это она готова была ударить его. Потому что прошло уже три дня после урагана. Потому что она так долго искала его, а он даже не знал. Но его растерянное лицо сказало ей больше любых оправданий. И она поверила.

Следом заговорил Томас. Медленно, тяжело, будто вытас-

кивая каждое слово со дна пересохшего колодца. Эту исповедь ему больше некому было сообщить. Мари слушала, и с каждым его словом привычный мир трескался по краям. В тот день он поведал ей следующее:

Семнадцать лет назад, зимой, в Сан-Мартинью-ду-Абрансу прибыл незнакомец. Он поселился в одном из зажиточных имений на холме и был, судя по всему, безмерно богат. Политическая ситуация в стране и в мире его, казалось, вовсе не касалась. Он щедро оплачивал гастролы столичных театров, цирковых трупп, оперных примадонн. Гуляя по городу, мог запросто угостить портовых грузчиков дорогой мадерой и устроить пир прямо на площади ду Мотри, вокруг Рыбака.

Звали его Николаус Атьери.

Томас тогда впервые и заприметил его. Ему не было дела до увеселений — он жил простой, пресной жизнью, и единственной его радостью была любовь к Иаре, свежие выпуски газет да рыбалка. Но незнакомца невозможно было не заметить. Он появлялся всюду, и всюду его появление встречали с восторгом.

Каждые выходные в Абрансу становились праздником. Горожане, уставшие от серых будней и бесконечных пьянок в портовых тавернах, слетались на гулянья, словно мотыльки на свет. Диктатура Салазара, царившая в стране, здесь, на окраине, казалась чем-то далёким и неосязаемым. Сеньор Атьери стал для города отдушиной.

На каждом представлении, на каждом народном гулянье он присутствовал лично — стоял в стороне, наблюдал, иногда общался с женщинами, облепившими его, словно моллюски скалы. Всё шло слишком гладко. Ровно до тех пор, пока он не начал устраивать закрытые вечера. Туда приглашали только молодых девушек, достигших совершеннолетия.

Спустя несколько месяцев подобные мероприятия прекратились. Как и все прочие развлечения. А сеньор Атьери исчез.

В газетах одно за другим стали появляться сообщения о пропавших девушках. А потом — о трупах, найденных в системе городской канализации или выброшенными на берег. Все жертвы были молодыми, обескровленными и с отстриженными волосами. Статьи говорили о несчастных случаях и отрицали любые насильственные действия.

Однажды Иара сказала Томасу, что снова видела Николауса Атьери. Это было в апреле. За четыре месяца он будто постарел на несколько десятков лет. Кожа на лице обвисла, обнажив острые, выпирающие скулы, глаза пронизывала сеть вздутых сосудов. Он появлялся и исчезал незаметно, сливаясь с ночными сумерками или сгущаясь в тених фонарей. Он следил за ней.

Томас был молод, мечтал жениться на Иаре, и её защита стала для него задачей первостепенной важности. Но выследить Атьери не удавалось. Тот возникал из ниоткуда, в неизменном чёрном плаще, и никогда не приближался ближе чем

на триста метров.

Прошло ещё два месяца, прежде чем он предпринял первые чудовищные попытки нападения. Томас вступал с ним в бой дважды. Тогда ему показалось, что это уже не старик — это сама смерть, принявшая человеческий облик. Волосы Атьери сыпались на брусчатку, кожа свисала лоскутами, руки были красными и сочились кровью. Но сил в нём было немерено. А желания заполучить Иару — ещё больше.

Третья схватка разразилась в лавке сеньоры Корвалью. Томасу удалось запереть его в подсобке. Иного выхода не оставалось, как сжечь всё дотла вместе с этим ужасным, разлагающимся человеком.

Когда пламя взметнулось к небу, Томас был уверен, что покончил с ним навсегда. Но сквозь дым и гарь ему почудилось, будто тёмный, окровавленный силуэт с бешеной скоростью ускользает в глубь старого города.

Разбирательства по делу о поджоге и убийстве тянулись несколько лет. Иару никто больше не преследовал, и Томас начал понемногу верить, что вместе с лавкой сеньоры Корвалью сгорел и тот человек, и его проблемы. Когда в его жизни наконец воцарился мир, всплыли новые подробности по делу трёхлетней давности. Томаса осудили.

Тогда Иара уже ждала ребёнка.

В этот день, поняв, что сил работать больше не осталось, он отпросился. Тем более когда в ней не стало никакого

смысла. Томас решил переехать обратно в свой дом в то же мгновение, как услышал, что жена в больнице. Теперь он будет чаще навещать Иару и позаботится о Мари. Он просто обязан защитить семью и во что бы то ни стало остановить незнакомца — снова и столько раз, сколько потребуется.

Он продолжал рассказывать — и когда они сидели в его тесном жилище в глубине портовых трущоб, и когда перевозили вещи в такси. Он поведал ей почти всю историю их с Иарой любви. Рассказал о буднях в Карабанчеле, о том, что случилось с ним сегодня в старом порту. Обо всём, что умалчивал долгие годы.

Мари слушала заворожённо, но с тревогой осознавала, что ни на шаг не приблизилась к ответам. От отца она получила лишь размытое подтверждение: человек или существо, охотившееся за её матерью семнадцать лет назад, снова в городе и полно сил. Возможно, именно этот человек был в лавке в день урагана и забрал женщин. Он снова охотится.

Но многое всё же оставалось загадкой для Мари — скребущее чувство, требующее немедленно сорваться с губ — чтобы вместе с Леми и Джозефом подумать над этими вопросами. Прогуливаясь по майскому вечернему городу, она размышляла: зачем же всё-таки этому человеку понадобилась её мать? Ведь даже отец не знал ответа на этот пугающий вопрос. Ни семнадцать лет назад, ни сейчас. К тому моменту она уже пришла на площадь ду Мотри.

— Не переживай, Мари, — сказал Томас ещё до того, как

она отправилась бродить по сумеречным улицам. — Что бы ни случилось, я теперь ни на шаг не отойду от вас с мамой. Обещаю тебе.

И она поверила.

Тем же вечером ей захотелось взяться за карандаши и, сидя на лавочке напротив книжного магазина Ливария ду Сул, она наполнила страницы новым наброском. В эти туманные мгновения кто-то вопреки воли водил её рукой. Она очнулась только когда рисунок был готов — и отшатнулась, испугавшись того, что увидела.

В этот вечер она изобразила в тетради отца. Его тело было неестественно растянутым, словно спасательное полотно, укрывающее трёх младенцев, сжавшихся в клубок. Противником этого эластичного спасателя выступал охотник с арбалетом, чей барабан вращался, самостоятельно подавая новые стрелы.

Держа в дрожащих руках рисунок, освещённый лишь светом тусклых ламп, она заметила быстро вышагивающую фигуру Джозефа. В его глазах буквально полыхал план, который будет такой же безрассудной авантюрой, как и проникновение во Дворец Яблонь зимой.

Джозеф

«А-Маре» встретила Джозефа духотой и потом. Он пробирался сквозь грязных рабочих, переполнявших этот образчик портового кабака, словно треска в бочке. Он не за-

помнил о своём спасителе ровно ничего, кроме клетчатой рубахи, трико и фуражки. Самое ужасное, что он осознал, только переступив порог этого славного заведения: сорок процентов рабочих носят клетчатую рубаху, ещё двадцать никогда не снимают спортивное трико, а уж говорить о фуражке и вообще не стоит — она тут писк портовой моды пятидесятых.

— Здравствуйте, сеньор, — протянул Джозеф приподнятым тоном, привлекая внимание бармена.

Плечистый мужчина обернулся, тяжёлые мускулистые и не в меру волосатые руки взгромоздились на барную стойку. На лице бармена поблёскивал гладкий, стянутый шрам, проходивший через всю щеку, угол рта и нижнюю губу. Один глаз был закрыт повязкой.

— Ха, малец? — брови здоровяка взлетели, но вопреки тяжёлому взгляду и суровому облику издававшего не один шторм моряка, голос его располагал к диалогу.

— Вы, сеньор, как я погляжу, заведуете этим прелестным заведением? Ударьте меня палкой, но я не могу представить никого другого из числа всех сеньоров вокруг, кто подошёл бы лучше на эту кандидатуру.

Бармен улыбнулся работающим уголком губ, и, как показалось Джозефу, даже заинтересовался его персоной.

— Так как вы тут единственный достойный сеньор, могу ли я рассчитывать на вашу помощь в одном деликатном вопросе? — закончил Джозеф.

— Что бы ты ни говорил, малец, выпивки не налью — тебе и шестнадцати нет.

— Нет, нет, ни в коем случае. Ваше лицо вызывает у меня уверенность: мимо этого взгляда не проскользнёт ни одна мелкая макрель, и обо всём, что происходит в порту, вы будете непременно знать первым.

— Эт ты верно подметил, — разразился смехом бармен.

В их диалог втёрся тощий рыбак, желающий получить очередную порцию выпивки. От него разило так, словно он мылся последний раз месяц назад, да и то в бочке с протухшей рыбой, после чего обильно обливался самогоном. Бармен лёгкой рукой отпихнул его, заставив протереть часть заляпанного пола своими брюками. Трико, к сведению.

— Что же тогда тебе нужно в *A-Mare*?

— Сведения, а точнее люди. И за эту информацию я сам готов предложить цену, достойную такого уважаемого сеньора.

Джозеф достал из-под олимпийки тёмно-зелёную бутылку с бардовым содержимым. Глаза бармена в ту же секунду распахнулись, увидев этикетку портвейна, проезжавшего через их порт на континент, едва ли пару раз в году. Бармен щёлкнул большими пальцами и надавил корпусом на стойку, устремив зловещий и вопрошающий взгляд на Джозефа.

— Ты что ж, парень, зачистил местный склад? — вопрос прозвучал как уважение к мастеру своего дела и угроза одновременно.

— Если бы я так умел, сеньор. Всё гораздо проще — по случаю юбилея отцу достались несколько таких от близкого товарища из региона Алентежу. Тот заведует одной из крупнейших виноделен и для него такой подарок — сущий пустяк, — соврал Джозеф уверенно, словно отработывал эту фразу годами. — И в зависимости от полезности информации, количество бутылок сего шедевра может увеличиться на ещё одну, а то и вовсе до трёх.

Джозеф резко одёрнул руку, когда кривые пальцы бармена потянулись к ней, и поспешил убрать бутылку из вида.

— Осторожно, сеньор. Мы же не хотим пролить драгоценный напиток, — Джозеф уселся на высокий стул и вопреки гвалту в таверне понизил голос. — Расскажите лучше вот что. Тридцатого апреля в начале шестого в порт пришёл высокий мужчина в чёрном пальто, нисколько не защищавшем его от дождя, и чёрной шляпе. В помощь себе он искал тут спасательную бригаду. И, как мне довелось узнать, нашел. А уже вместе с ними двинулся дальше. Что вы можете сказать об этом? Видели вы, что-то столь подозрительное?

— Что я знаю? — нахмурился бармен. — Что этого быть не могло и ты явно ошибаешься.

Джозеф вытянул шею.

— Не понимаю вас?

— АА, ты уверен, что это было в порту?

— Несомненно. Ведь спасатели тут дежурят сутками и это самое близкое место к проспекту Возвращения.

— Тогда у меня для тебя плохие новости, парень. Вечером тридцатого, после обеда, всю акваторию перекрыли. Сорвало грузовой кран на южном пирсе. Даже смотрители маяка не могли выйти на работу, а тут какие-то *спасатели*. Таверну я закрыл ещё до начала шторма. В середине четвёртого.

Джозеф на минуту замолчал, опустошённо глядя на липкую стойку. Затем молча поставил на барную стойку бутылку, которую не так давно стащил у тех, кто стащил её с бывшего корабля, затем вышел. Тем же путём, через ту же толпу. Нет, его эта новость не подкосила. Он понимал, что что-то тут не так. Рабочие были точно из порта — именно тут в ходу такая необычная мода на трико и фуражки. Может это были не спасатели, а простые докеры, которых подкупили только для того, чтобы забрать эти тела. Тогда это объяснило бы, почему женщин не доставили в больницу.

Вдохнув свежий воздух — а после места, где он побывал, любой воздух был чистейшим и дарил опустошающее спокойствие, — он двинулся лёгкой походкой вдоль порта по Руа Себастьян. К вечеру эта окружная улица становилась оживлённой и наполненной придорожными торговцами с ежедневным уловом: от макрели до припасов из-за океана. Сюда же из трущоб стекалось всё низшее население и те, кого общество считало ненужным городу. Люди здесь зарабатывали, как могли: торговали телом, участвовали в азартных играх, устраивали мордобой за деньги.

В тёплом свете вечерних огней он остановился около

сгорбленной старухи, торгующей на перекрёстке проспекта Возвращения и Руа Себастиан. И, по всей видимости, около своего же дома. Торговала она букетами жакаранды и ромашки и выглядела так скомканно, словно жизнь уже пожевала её, выплюнула и ждёт, пока та окончательно высохнет. От неё тянулись приятные цветочные ноты и неприятный запах старости. Джозеф приблизился к ней и изобразил на лице гримасу а-ля *«брошенный котёнок ищет помощи»*. Почему-то он был уверен, что она могла наблюдать ураган с окна второго этажа своей квартиры.

— Здравствуйте, сеньора, — медленно проговорил он на выдохе. — Вы мудрая и добрая женщина, помогите мне, пожалуйста. Три дня назад я потерял отца и уже несколько дней скитаюсь, не ем и плохо сплю. Он пропал во время урагана. Последний раз его видели здесь. Такой высокий, в возрасте, мужчина в шерстяном пальто и чёрной широкополой шляпе.

Старуха подняла щуренный взгляд. Либо она была основательно больна маразмом и глухотой, либо знала Джозефа назубок. Лишь поэтому он ожидал такого ответа.

— Чего говоришь, сынок? — она выгнула шею, выставив вперёд ухо. — Ромашки по полтора эскудо, жакаранда по три.

— Полтора эскудо?! — вмиг взвинтился Джозеф. — За ромашки? Они же вялые! И с вероятностью сто два процента сорваны на бульваре Пасо. Это и я проверить могу.

— Ну вот тогда там и ищи своего отца.

«Она слышала. И всё-таки провела меня», — цокнул он, с горестью отметив, что сегодня его карман прохудился ровно тогда, когда он с Мари вышел на проспект Возвращения. Неужели тот франсезинью стоил всех его карманных денег?

Джозеф ещё несколько минут стоял, обдумывая дальнейшие действия, и не сразу заметил доску объявлений, пестрившую красочными заголовками. Они приглашали на удивительный массаж, рассказывали о том, что в ближайшее время в театре «Атлантику» будет новая постановка и даже приедет цирк. Не дождавшись ответа старухи — а он до конца надеялся, что она сжалится, но та оказалась крепким орешком, — Джозеф побрёл в противоположную сторону от порта по проспекту и сразу же наткнулся на объявления.

Ответы, которые пока оставались ещё вопросами, пришли оттуда, откуда Джозеф даже не мог представить, — с красочного по цвету, но мрачного по содержанию плаката. Он с лёгкостью сдёрнул его — свежий клей не стал препятствием. На полном ходу он двинулся вверх по проспекту Возвращения в сторону района Кайш-ду-Коммерсиу, где располагался дом Лемиста Делано.

Пересекая вдоль стен площадь со статуей рыбака, которую он ненавидел и всячески старался обходить, его окликнул знакомый сопрано подруги.

— Джозеф!

Он повернулся, стараясь разглядеть Мари в сгустившихся сумерках. Она выходила из темноты сквера напротив книж-

ной лавки и, кажется, была рада отвлечься от своих мыслей.

— Куда ты так торопишься? — спросила она, подбегая.

— Мари! Я, честно, не думал тебя сегодня увидеть. Тем лучше, что ты здесь. Идём скорее к Леми. Это может быть безумством, и он, со всей возможной вероятностью, будет против такой авантюры, но у меня созрел план, для которого мне нужны вы оба.

Мари улыбнулась энтузиазму друга, пряча рисунок в небольшой рюкзак, с которым не расставалась ни на секунду.

— Что ты придумал?

— По дороге расскажу, — Джозеф сделал широкий шаг, а затем резко остановился. — И да, это тебе.

Он протянул ей букет благоухающих цветов. Это были цветы жакаранды.

— Спасибо. Откуда они у тебя?

— Скажем так, я встретил весьма добрую женщину, которая просто решила подарить мне цветы. Бесплатно. Идём.

Глава 8 «Manual of Spiritualism»

3 мая 1955 года

Леми

Филомена Делано — женщина с огромным сердцем, которое уступало лишь её пышным формам — всячески пыталась удержать друзей сына, стоило только тем появиться на пороге. Она наотрез отказывалась пускать их дальше, пока те не попробуют творение кулинарного искусства, приготовленное со всей любовью.

— Дети, да на вас без слёз не взглянешь, — говорила она.

Любые аргументы, просьбы и мольбы рушились о бетонную стену её упрямства. Пришлось объявлять капитуляцию. Мари, в отличие от Джозефа, который где-то успел поест, не особо сопротивлялась. Её еда за весь день — послеобеденный сэндвич, и, зная себя, она подозревала, что скоро желудок выступит с открытым протестом и заглушит все остальные мысли и чувства.

Кулинарные изыски сеньоры Делано безусловно тянули на пять звёзд и были по-домашнему уютными. Пока Мари уплетала сардину под сливочным соусом с картофелем и свежим капустным салатом, а Джозеф нехотя ковырял вилкой, сеньора Делано с видом жандарма проводила допрос. Дня неё — женщины, которая практически не выходила в свет, а все новости города узнавала из выпуска газеты, где работал её

муж, — эти разговоры об учёбе, увлечениях детей и просто о том, как дела в их семьях, были мёдом на душу. Вскоре спустился Леми и под залог очередной съеденной порции забрал их в свою комнату на втором этаже.

Леми закрыл за собой дверь и пригласил друзей сесть на кровать. В комнате было довольно светло и просторно, все шкафы и полки были забиты книгами. Царила атмосфера заnudства, с ароматом старых книжных листов.

— Вам удалось что-то узнать? — спросил Леми, переходя сразу к делу.

Мари кивнула, и в эту секунду её довольное ужином лицо, вновь стало блее мела. Ей пришлось долго собираться с мыслями.

— Отец рассказал мне о человеке, с которым сражался семнадцать лет назад. Его зовут Николаус Атьери. Он появлялся в городе, задаривал всех, устраивал праздники, а потом начал охотиться на молодых девушек. На мою маму в том числе. Отец дважды вступал с ним в бой, а в третий раз сжёг лавку вместе с ним. Думал, что убил. Но оказалось, что Атьери выжил и вернулся. Все эти месяцы, что отец жил в порту, он выслеживал его — и упустил.

Мари перевела дыхание.

— Теперь этот человек снова в городе. И ему по-прежнему нужна мама. А у нас добавилась очередная головная боль.

Леми скрестил на груди руки и стал загибать до хруста пальцы. Его взгляд на несколько секунд остекленел, затем он

перевёл взгляд на Мари и улыбнулся. Улыбка вышла глупой и застенчивой, но возвращала спокойствие.

— Это не самая плохая новость, Мари. Мы расследуем неизвестную болезнь, с которой как-то связаны мотыльки, твоя мама и сестра Джоза. Если за всем этим стоит какой-то человек, то у нас есть первый подозреваемый — Николаус Атьери. Сейчас твоя мама в больнице, Мари. Ей ничего не угрожает.

— Пока не угрожает, — тихо добавила Мари.

— Жук, как ты думаешь, Николаус Атьери и тот незнакомец у бутика — это один и тот же человек?

— Пока что всё говорит об этом. Мы просто узнали его имя, — Леми поднял вопросительный взгляд на Джозефа. — А ты? Узнал что-нибудь о тех спасателях?

— И да, и нет. Бармен, который буквально живёт в порту рассказал мне, что в день шторма акватория была закрыта. В порту не было ни души, никто бы не пришёл на помощь. Если эти спасатели и существуют, то они явно работают на этого незнакомца.

— Это... лучше, чем ничего, — заключил Леми. — Эти зацепки немного помогли — они дали нам имя. Что касается газет и справочников...

Леми встал и направился к столу, на котором творился настоящий хаос — или, как сказал бы сам Лемист, структурированный бардак. Он выудил из-под журналов по ботанике несколько выпусков «*Diário do Litoral*» настолько старых и

выцветших, что казалось, они вот-вот рассыплются у него в руках.

— Начнём с газет. Мне удалось сегодня проникнуть на работу к отцу, в архивы. Там я познакомился с невероятно мудрым, но бойким стариком. Он знал мою семью и принял меня тепло, почти по-отцовски, согласившись помочь в поисках. Вместе с сеньором Ревьешем мы провели несколько часов в поисках информации о событиях 1938 года и вспышках летаргии. Несколько газет я принёс показать вам.

Леми разложил старые пожелтевшие газеты, частично обугленные, словно кто-то пытался однажды сжечь их и сделал это весьма неправильно. От них исходил запах непонятной пропитки.

— В 1938 году каждый некролог был посвящён очередному несчастному случаю с женщинами. Таких некрологов — как минимум пять. Все датируются концом марта и вплоть до самого лета. Затем смерти прекращаются. Пока я изучал эти газеты, Сеньор Ревьеш продолжал искать похожие случаи с какой-то одержимостью фанатика и, вы не поверите — нашёл. В 1921 году газеты пестрели похожими заголовками: «Несчастный случай на рыбалке», «Новая жертва найдена в канализации», «Полиция отрицает дело рук серийного убийцы». Последние похожие записи были аж пятьдесят лет назад и датируются 1904 годом.

Он ткнул пальцем в заголовки, затем передал по газете друзьям. Мари отбросила чёлку и сосредоточенно вчиталась.

Джозеф поёрзал на кровати и принялся изучать статьи, покусывая костяшки пальцев.

— Про летаргию и изменение волос в статьях, конечно, ни слова, — продолжил Леми. — Лишь у некоторых женщин полностью отстрижены волосы. Под ноль. И все, как на подбор, молодые.

Он сделал паузу, давая информации улечься в головах друзей.

— Но и это ещё не всё. Вообще, стоит почтить труд сеньора Ревьеша, ведь он отнёсся скрупулёзно к моей просьбе и бегал по всему архиву, словно ему вновь двадцать пять. Я всё ещё сидел в окружении газет, не веря своим глазам, когда он выудил для меня ещё одну, хоть я его и не просил. Стоило мне увидеть эти заголовки, то я подумал, что схожу с ума. Это был выпуск за июнь 1948 года.

Леми взял в руки ту самую газету — выпачканную кофе, мятую и пожелтевшую. Джозеф уже настороженно слушал друга. То самое лето 1948, когда погибла его мать.

— Я пока не докопался до сути и не знаю, как эта информация может помочь, но в день 1948 года, когда горел лес около церкви Святого Мартина, умерли тринадцать женщин. — Он поднял глаза на друзей. — В некрологе был описан наш великолепный симптом — пыльца, но лишь вскользь. Это было послевоенное время — голод, подпольные войны, редкие вспышки сопротивления. Почему-то никто не обратил на это внимания и инцидент сочли оппозиционным.

— Тринадцать, — с ужасом повторила Мари, и её лицо стало почти прозрачным.

Джозеф перехватил газету и, пока Леми рассказывал, без конца метался взглядом по заголовкам статей. Он не оставался на чём-то одном, наоборот — делал это, словно был птицей и высоко в небе. Он пытался понять, найти деталь, связывающую все события воедино.

— 1904, 1921, 1938, и 1955 — то есть сейчас, — начал он. — Вам не кажется подозрительным такая последовательность?

— 1921 — год рождения моей мамы, — добавила Мари.

Угольные глаза Джозефа остекленели, он нахмурил брови ещё сильнее. Они готовы были срастись в одну большую бровь.

— Эти цифры на сто два процента связаны между собой, я ощущаю это всем нутром, — он цокнул обезоружено. — Но никак не могу сопоставить их с пожаром 1948 года. Он просто не вписывается в эту последовательность. Он как будто лишний. Ведь всё остальное — циклично и происходило каждые семнадцать лет.

— Ребята! — воскликнула Мари, выпрямившись и прерывая Джозефа. — Я только что вспомнила: отец рассказывал, что сегодня на старом пляже нашёл мёртвую женщину.

— Как она выглядела? — Леми мгновенно насторожился. — Волосы? Цвет кожи?

— Он не вдавался в подробности. Сказал только, что пе-

редал тело полиции.

Джозеф оторвал взгляд от газеты, они с Леми переглянулись. Одна и та же мысль ударила в обоих одновременно.

— Ты прав Джоз, — ответил Леми на немой вопрос друга. — Нам нужно пойти в полицию и взглянуть на неё. Ты же помнишь, как выглядели женщины из бутика?

Джозеф кивнул. Он бы наверняка вспомнил и лицо того *спасателя*, перевязавшего ему ногу. Но только если бы увидел.

— В завтрашнем выпуске «Diário do Litoral» об этом напишут, — задумчиво произнёс Леми, поглаживая усы. — Как об очередном несчастном случае. И ни у кого не возникнет вопросов.

— Жук, а твой отец? Напомни, кем он работает?

Леми словно проснулся от продолжительного сна.

— Редактором, — медленно вывел он. — Через него проходит вся информация, которую ему передают. Он ничего не выдумывает, лишь чистит текст и расставляет запятые.

— Ты говорил с ним об этих выпусках? — спросила Мари, обводя рукой разложенные газеты.

Леми молчал, застыв в статике. Мысль, до сих пор не приходившая в голову, вдруг осветила всё иным светом. Его отец работал в газете почти двадцать лет — начинал простым разносчиком, дослужился до редактора. И все эти годы через его руки проходили тексты. Тексты о несчастных случаях. О мёртвых девушках. О том, что полиция отрицает...

— Нет, — медленно выдохнул он, пытаясь удержать поток мыслей. — Но я обязательно поговорю с ним. Мой отец... очень добрый и честный. Если эти несчастные случаи были чьим-либо намеренным убийством, то тексты, отредактированные его рукой, лишь результат незнания. По крайней мере... — сглотнул он, — мне хочется в это верить.

И в комнате, и за окном, где смутно проглядывались очертания соседних домов, повисла тишина. Вечер вторника накрыл плотным одеялом район Кайш-ду-Коммерсиу, и зажёг огни Рибейры. Стало слышно тикание часов и звон переставляемой посуды с первого этажа. Леми математически быстро собрал мозаику фактов и догадок и готов был озвучить её всем.

— Итак, — заговорил он, поправляя очки и возвращая себе вечный вид человека-любителя раскладывать всё по полочкам. — Мы имеем следующее...

Джозеф уже не слышал его. Перед глазами вальсировали цифры: 1904, 1921, 1938... 1948 — при чём он тут? Мать. Пожар. Пыльца на подушке. Скорая смерть. Ещё тринадцать женщин в тот день. Он чувствовал, что где-то рядом разгадка — но стоило протянуть руку, как она ускользала.

— Джозеф? — осторожно позвала его Мари.

Он поднял голову. Леми было открыл рот, чтобы начать своё любимое «следовательно», но Джозеф его опередил.

— погоди, — сказал он тихо, но так, что оба замерли. — Прежде чем мы начнём снова спорить, кто прав, а кто — хо-

дчаяя энциклопедия, всё знает и вообще «мы бы давно разгадали эту загадку», нам нужно сделать ещё кое-что.

Он полез за ворот олимпийки. Оттуда, с шелестом, похожим на шорох тонкой бумаги, появился уже изрядно помятый плакат. Джозеф развернул его и с глухим хлопком опустил поверх газет.

Мари и Леми уставились на мрачное изображение: чудаковатый человек в странном колпаке, склонившийся над шаром предсказаний в окружении призрачных фигур. Внизу значилось:

«Сеансы спиритизма с прорицателем Теушем Мираном»

Ниже мелким шрифтом сообщалось следующее: *если ты не успел попрощаться с ушедшим родственником, Теуш Миран организует вам встречу. Даже за гранью жизни.*

— Поздравляю, друг, ты сошёл с ума, — покачал головой Леми, скрестив на груди руки. — Ты уже настолько отчаялся, что хочешь пойти напрямиком к шарлатану? Ты хоть знаешь сколько он денег берёт? Я думаю, что за сеанс — не меньше пятидесяти эскудо. Таких денег нам и за месяц не собрать. К тому же это явный развод.

— Что и требовалось доказать, — Джозеф закатил глаза, бросив короткий взгляд на Мари, затем снова повернулся к Леми. — Нет, Жук, ни к кому мы не пойдём. Ты хотел итог? Получай. Он прост, как десять сентаво, — мы в тупике и ничего не узнали об этой болезни. Даты не говорят нам ни о чём. Смерти вновь продолжаются. А шанс, что нам позволят

увидеть тело той девушки — равен нулю. И чем дальше продвигаемся, тем больше открытых вопросов получаем.

Мари переводила взгляд с одного на другого, пальцы её машинально теребили подол сарафана. Она не вмешивалась — пока не вмешивалась, — но внутри неё уже закипало что-то похожее на отчаяние.

— Но это не тупик! — Леми вскочил, и его голос звучал так, словно вовсе был не его. — Как, скажи, по-твоему, продвигаются расследования? Гладко и безукоризненно? Чёрта с два! Всегда будут открытые вопросы. Да, пока мы знаем немного, но уже узнали имя. Нужно узнавать дальше, дёргать другие нитки: мой отец, книги по нумерологии, энтомология, справочники болезней. Если понадобится, мы пойдём в лес искать тех самых мотыльков и изучим их, будем спрашивать всех подряд об этом Николаусе Атьери.

— И в конце концов сами станем его добычей. Это опасно, а искать мотыльков у нас попросту нет времени, Жук! Как ты этого не поймёшь?

— А время на сомнительные практики у нас есть? А это не опасно? — он ткнул пальцем в плакат, взвинтив голос. — Да как это вообще могло прийти в твою голову, а?

Джозеф сжал кулаки, уставившись на плакат. Мари закусила губу, кажется, до крови. Она не сталкивалась с мальчишескими ссорами, не умела мирить. Она видела, как дрожали скулы у Джозефа, как вздулась венка на лице Леми и блестели от возбуждения глаза.

Спасение пришло от самих мальчиков. Джозеф резко осунулся, его губы подёрнулись, он глубоко вдохнул и протяжно выдохнул. Он готов был заплакать, но отвернулся, чтобы никто этого не видел.

— Это мой единственный шанс пообщаться с матерью, — проговорил он, поднимая на друга взгляд красных глаз полный надежды. — Прошу, Жук, пойми, мы ничего не потеряем, если проведём свой сеанс спиритизма и призовём дух моей мамы. Что-то внутри меня скребётся, подсказывает, что она может знать об этой болезни больше, чем все выпуски всех медицинских журналов. Больше, чем мы.

— Как ты собираешься это сделать? — спросила Мари, отбросив тревогу, терзающую её ещё несколько секунд назад. В её глазах, как всегда, разгоралось любопытство и желание попробовать то, чего она ещё не пробовала. Так уж она была устроена.

— Доска Уиджи. Она у меня есть, — Джозеф выдержал паузу. Его слова туманом осели в комнате под мерное тикание часов. — Но этого недостаточно. Чтобы ритуал сработал, нужно соблюсти все правила.

Леми развернулся, и не проронив ни слова, вышел. Ему ничего не оставалось, как принять эту безумную идею, в которую он даже не верил. Просто Мари... ей это точно будет интересно, а ради неё он готов был не только проводить сеансы спиритизма, но и сам отправиться в потусторонние миры, какими бы жуткими они ни были.

В его семейной библиотеке было множество самых редких, а также самых нелепых книг, которые можно было найти только в национальной библиотеке на улице Праса-ду-Комерсио в Лисабоне. Леми знал домашнюю библиотеку как свои пять пальцев. Ещё год назад он с отцом составил каталог всех книг в доме, разложенных по темам, авторам и даже годам издания. "Мистика и эзотерика" — третья полка снизу. Он нашёл её не глядя.

Вернулся он, держа в руках небольшой томик, а когда он так же молча положил его поверх всех газет, Мари смогла прочитать название.

«Manual of Spiritualism». Нью-Йорк, 1948.

— Если вам важно моё мнение — я против, — жёстко отрезал он. — Но остановить состав в лице Джозефа попросту не могу. А без меня и точного подхода вы с лёгкостью призовёте лузитанского бога Эндовелику и я сомневаюсь, что от ответит на ваши вопросы. У нас есть полтора часа, чтобы изучить эту книгу. Затем мы пойдём в домик на дереве. Ведь, поправьте меня, если я ошибаюсь: ночью грани между миром живых и миром мёртвых истончаются.

Мари, скрывая восторг, улыбнулась, затем глянула на Джозефа. Тот ещё прибывал в потрясении и смятении, так как редко видел друга настолько взвинченным. Обычно ему больше подходила рассеянность или выверенная точность, когда в руках оказывался фотоаппарат или лупа.

Леми убрал все газеты, залез на кровать и пробрался к

стене. Он вздохнул, так, что показалось, будто в этом противостоянии рациональности он проиграл. Схватил книгу и принялся изучать.

— Что вы так уставились? — сощурился Леми. — Если уж и браться за этот абсурд, то только с учёным видом.

Глава 9 Уиджа

3 мая 1955 года

Джозеф

— Джозеф, я обязан это спросить. Ты хорошо подумал? Может, не стоит? — произнёс Леми чуть дрогнувшим голосом.

Он с опаской оглянулся по сторонам, затем заглянул в панорамное окно, за которым не было ничего, кроме ночных огней порта Объятий и одинокого маяка. Город мирно погрузился в сон.

— Ты же знаешь, я скептик, но даже мне не по себе, — продолжал он. — Внутри ощущение, что мы проглядели что-то очень важное, и всё пойдёт не по плану.

Вопреки прогнозам Леми, полутора часов им не хватило. Пока он до последней запятой штудировал ритуал, Мари и Джозеф успели сбегать в дом номер тридцать по улице Кальсадас, где жил Джозеф, забрать необходимые вещи и двинуться к домику на дереве. Когда время перевалило за полночь, часть фонарей в районе Менус погасли, и идти приходилось практически на ощупь — под тусклую полоску света карманного фонарика.

Ночь не пугала никого из клуба «Марледж». Пугать могло что угодно: Лумпиану, стерегущий особняк Яблонь, разъярённая сеньора Делано при виде неудовлетворительных

оценок, даже собственная тень в комнате с камином. Но только не ночь, проведённая вместе.

Лемист явился как всегда бесшумно, и вместе они закончили приготовления. Не готовы оказались лишь они сами.

— Это захватывающе, но... мне тоже становится не по себе, — поддержала его Мари, её голос прерывался. Она отмахнулась от дыма благовоний, на мгновение обнажая взгляд двух черных омутов, готовых поглотить все вокруг.

Джозеф сдвинул брови ближе к переносице, кивнул Леми и положил руку на запястье девушке.

— Успокойтесь. Всё должно пройти безопасно, — ответил он, скользнув взглядом по насыпному кругу вокруг низкого столика в центре их штаба. Перед ними пока молчаливо покоилась доска Уиджа. — Мы приняли все меры предосторожности, о которых говорилось в книге. Если у шарлатанов получается, чем мы хуже?

Мари тяжело выдохнула, перевела взгляд с одного друга на другого и изо всех сил сжала руку Джозефа. Сердце стучало — то ли от страха, то ли от чего-то другого. В присутствии мальчиков всегда громко шумела кровь и вырывалось сердце, но Мари ещё не понимала, что это за болезнь. Может, когда-нибудь Леми объяснит — он ведь знает всё. Она же знала только одно: неконтролируемая дрожь при каждом завывании ветра означала лишь нахлынувший страх.

Ещё полгода назад она бы ни за что не решилась на такое. Если бы не мальчики из «Марледж», разбудившие в ней

жажду исследования, она бы струсилась уже на полпути к домику. Но Леми и Джозеф сами разожгли в ней этот огонь, они же и придавали ей смелости всякий раз, когда она была готова сдаться.

Она закрыла глаза, и смахнула с побледневшего, отливающего матовым фарфором лица, казалось бы, ненужные эмоции, которых почему-то стеснялась. Затем затянула потуже хвост тонких длинных волос. Ведь повсюду стояли свечи, а она не желала загореться.

— Итак, — прервал молчание Леми своим неизменным профессорским тоном. — Давайте ещё раз пробежимся по пунктам из книги. Лишним не будет.

Мари и Джозеф кивнули. Леми принялся зачитывать необходимые условия обряда, загибая пальцы.

— Толчёная мирра и высушенные лепестки роз должны дымить рядом с доской. Белый густой дым собирает положительную энергию и отгоняет непрошенных гостей, — они все трое покосились на курильницу, порошок в которой медленно тлел, выпуская тонкую струйку. — Хорошо. Вокруг доски — первый круг из чёрных свечей, шесть штук. Они поглощают и разрушают негативную энергию. Второй круг позади нас, нарисованный мелом. Он охранный и служит барьером между мирами. Третий круг — личные вещи покойной.

Последний пункт касался лично Джозефа. Он достал и разложил эти предметы сам: ручное зеркальце, гребень, обручальное кольцо с голубым топазом, первая деревянная по-

делка Джозефа, когда ему было шесть и мамина любимая шаль.

За окном взвыл ветер, хлестнула по стеклу ветка орешника, внизу что-то с треском громыхнуло и рухнуло. Троица синхронно вздрогнула. По телу пробежал ледяной ток, а ведь они даже не притронулись к доске. Каждая мышца в их хрупких телах напряглась до предела. У Леми пересохло во рту, подёргивалась скула. У Джозефа противно заныло в паху. У Мари затряслись плечи и застучали зубы, хотя в домишке было тепло.

Джозеф бросил взгляд на Леми, затем на Мари, коротко кивнул им. Протянул руки в стороны, почувствовал тепло и тяжесть тонких пальцев и начал, словно мантру, произносить заклятие, которое придумал на ходу.

— Наш клуб «Марледж» един с тобой, дух Лэйн Фостер, прерви покой.

Со второго раза ему вторили серебристое сопрано Мари и яркий тенор Леми. Втроём они повторили мантру ещё несколько раз, с каждым кругом усиливая голоса.

Первой запаниковала Мари. Ветер с силой швырнул ветку в окно — и стекло треснуло. На улице взвыло, засвистело, заметалось. Она сдавленно вскрикнула, отдернула руки к груди. Разорвала цепь рук. Круг всегда был законченной фигурой — началом и концом, его нельзя было размыкать. Погасла одна свеча из шести, остальные бешено забились, будто невидимый ребёнок изо всех сил дул на них в попыт-

ках потушить. Ручное зеркальце с треском раскололось надвое. Джозеф бросил взгляд на зеркало и увидел в нём нечто чёрное и зловещее.

Леми попытался схватить руку девушки, но почувствовал, как кто-то, кого здесь недолжно было быть, лизнул его за ухо. Он дёрнулся в противоположную сторону так резко, что чуть не задел меловой круг. Погасла вторая свеча.

— Руки на доску! Быстрее! — закричал Джозеф, достав откуда-то из глубин портового детства спасительную уверенность. Он схватил указатель, через мгновение к нему присоединились пальцы Леми, и в конце — Мари. — Здесь есть кто-нибудь?

Ветер сильнее загудел, стропила домика завибрировали и заскрипели. Указатель скользнул влево — к слову «да». Радоваться было рано. Паниковать — в самый раз. Это мог быть кто угодно — и каждый в комнате знал это.

— Мама, нет, Лэйн Фостер, это ты?

Указатель взметнулся по покрытой лаком доске, затем вернулся к слову «да» и замер. Окно под крышей загрохотало, уже третья свеча не горела. В комнате миазмами расплзлись чёрные души. Кто-то или что-то коснулось шеи Мари и низко прошептало: «Я знаю, где ты прячешься». Страх парализовал её.

В голове у Леми поселился первобытный ужас, сковывающий саму волю. Он был готов в любую секунду нарушить все правила, которые сам же усердно вычитывал, готов был

пуститься в бегство сквозь все защитные круги, открывая брешь для духа.

— Джоз, хватит! Заканчивай! Мне страшно! — закричал он. — Мари тоже в панике!

Мари часто дышала, но отрицательно мотала головой, пытаясь не казаться слабой. Глаза её были крепко зажмурены, а сердце металось в агонии. Руки уже не слушались — их будто приклеило к доске. Джозеф игнорировал Леми, не слышал друга.

— Мама! — голос Джозефа сорвался. — Если это ты, прошу ответь. Отец говорит правду о твоей смерти?

Пальцы их скользнули к противоположному краю доски — к слову «нет», подтвердив самые ужасные догадки Джозефа.

Шаль взлетела, подхваченная кем-то, и приземлилась прямо на свечу — осталось всего две. Джозефу стало трудно дышать: кто-то невидимый, кто явно был против их вмешательства, сдавил горло, перекрыл воздух. В голове проскрипел зловещий голос: «Ты лезешь не в своё дело, парень. Забудь, что ты знаешь».

— Как... ты погибла? — прохрипел он, игнорируя угрозу.

Указатель заметался в агонии. Мари по-прежнему не открывала глаза — из-под век вот-вот были готовы сорваться слёзы, Джозеф напротив — не отводил взгляд, Леми сжался в себя, но одним глазом продолжал косить на доску.

Указатель молниеносно выписал два слова: «Цикады.

Лес». Затем повторил их — быстрее, ещё быстрее. После третьего раза остановился.

Преодолевая себя, Леми открыл глаза и увидел, как позади Джозефа тенью навис чёрный силуэт. Лица у него не было, но в нём чувствовалась ярость. В тот миг Леми показалось, словно это существо находится с ними в одном городе и единственное, что мешает ему прикончить всех троих, — тонкая полоска мела.

Силуэт растворился в воздухе и в ту же секунду ветка громадного дерева с хрустом обломилась и рухнула на домик. По стеклу поползла паутина трещин. Ветер затопил комнату, ворвавшись из неоткуда, закружил, заметался — потушил пятую свечу. Осталась всего одна.

Нужно было прерывать призыв. Но если он задаст ещё один вопрос — всего один, самый важный... Но это было опрометчиво. В первую очередь в опасности были люди в этой комнате. Его новая семья.

— Мы дух Лэйн Фостер благодарим, слова прощанья говорим! — завопил Джозеф, перекрывая какофонию звуков, круживших по комнате. Его надрывный крик трясущимся голосом подхватил Леми. Мари лишь бешено трясла головой — она не могла вымолвить ни слова.

Джозеф не успел понять, когда деревянный бегунок оказался на слове «прощай». Он так же не заметил, когда погасла последняя свеча — до или после того, как они проводили дух. Вместе с этим, казалось, успокоился и ветер за окном.

Ответы — если можно было два слова назвать ответами — были получены. Выдыхать было рано, ощущение опасности всё ещё застыло в воздухе.

Как только всё было кончено, Мари сползла на пол, свернулась в клубок и разрыдалась. Леми схватился за голову. Джозеф поник под тяжестью мыслей, обрушившихся на него. Два слова. Бесполезные. Он и без того знал, что лес связан с её смертью. А ещё знал, что лес растянулся на десятки, если не сотни километров в глубь острова. Что он должен был там искать? Цикад? При чём тут вообще были цикады?

Эту вязкую, бесконечную ночь они провели в домике на дереве. Мари потеряла сознание, спустя пять минут после окончания, и до самого утра не приходила в себя. Поначалу Джозеф места себе не находил. Он винил и грыз себя за то, что не смог остановится вовремя. Леми молча смотрел на пустой террариум с корягами, торфом и мхом — и даже не пытался оправдать друга.

— Ты же видел, что мы что-то упустили, — сказал Леми, как только его сердцебиение выровнялось. — С самого начала всё пошло не так. Ты видел, что случилось с Мари. Должен был прекратить.

— Если уж кто и недосмотрел, Жук, так это ты! — огрызнулся Джозеф. — Не я изучал эту книгу. Ты вообще говорил, что не веришь в эту чушь.

Леми не ответил. Спорить с ним не имело смысла — сплошное биение об стену. Он перевёл взгляд на Мари. Она

лежала на импровизированном диване и, кажется, мирно спала. По крайней мере, последние полчаса она не бредила и не вздрагивала.

— Что сказала Лэйн? — спросил Леми тихо, голосом, принимающим поражение.

— Ты и сам всё видел. Какую-то бессмыслицу. Всего два слова: лес и цикады, — Джозеф выставил вперёд ладонь, останавливая готового вставить реплику друга. — Только не говори, что цикады живут в лесу. Я и без тебя знаю. Только вот толку от этого знания.

В комнате воцарилось густая и слепая тишина. В ней слышался лишь шорох леса и мерное дыхание Мари, изредка всхлипывающей во сне. Джозеф накидал подушек на ковёр — после такого дня ему хотелось только лечь и забыться. Леми устроился рядом.

— Когда треснуло зеркало, — произнёс Леми еле слышно, — я почувствовал, что в комнату вошёл кто-то ещё. Это был вовсе не призрак. Он был... осязаем. Коснулся моего уха. Мне показалось, он наблюдал за нами сверху. И знал, кто мы.

— Леми, давай завтра.

Сил удивляться у Леми не осталось. Джозеф впервые назвал его по имени. Причин для этого было много. Но главная — он чувствовал свою вину.

Джозеф долго не мог заснуть. События дня крутились в голове бесконечной каруселью: украденный портвейн из-под носа грузчиков, обманутая старуха, а ещё он сам навязал

идею с вызовом духа, игнорируя все здравые смыслы, затем несколько раз сорвался на единственного друга, в конце концов из-за него пострадала Мари. Мысли роились, прожигая в груди дыру, которая с каждой минутой разрасталась всё шире.

Он провалился в сон только тогда, когда солнце уже тронуло горизонт, медленно поднимаясь над портом Объятий. Он спал, прижавшись спиной к Леми, и впервые за долгое время не видел снов.

Глава 10 «Diário do Litoral»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.